

Федор
ТЮТЧЕВ

Я встретил вас...

Я встретил вас... Стихотворения //Издательство «Э», М., 2017
ISBN: 978-5-04-089688-2
FB2: Александр Умняков "shum29 " <au.shum@gmail.com >, 18 December
2017, version 1.0
UUID: cd8bc099-dc3b-11e7-9b5a-0cc47a520474
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Федор Иванович Тютчев

Я встретил вас...
Стихотворения
(Золотая коллекция поэзии)

О Тютчеве написано множество ученых и умных книг, однако вернее всех угадал тайну этой гениальной личности младший современник поэта Иван Тургенев: «О Тютчеве не спорят; тот, кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии». Сборник избранных стихотворений Федора Тютчева – подарок истинным ценителям русской поэзии.

Содержание

#1	0013
Блажен, кто посетил сей мир	0014
#1	0015
К оде Пушкина на вольность	0015
С чужой стороны (Из Гейне)	0017
В альбом друзьям (Из Байрона)	0019
Песня (Из Шекспира)	0020
К Н.	0021
Проблеск	0022
14-ое декабря 1825	0025
Cache-cache	0030
Весенняя гроза	0033
Летний вечер	0035
Видение	0036
Бессонница	0037
Утро в горах	0038
Снежные горы	0039
К N.N.	0040
Последний катаклизм	0042
«Еще шумел веселый день...»	0042
Вечер	0044
Полдень	0044
Лебедь	0045
«Ты зрел его в кругу большого света...»	0046
«В толпе людей, в нескромном шуме дня...»	...

«Как океан объемлет шар земной...»	0048
Конь морской	0049
«Здесь, где так вяло свод небесный...»	0050
Успокоение	0051
Безумие	0052
Двум сестрам	0053
Странник	0054
Альпы	0055
«Сей день, я помню, для меня...»	0056
Цицерон	0057
«Через ливонские я проезжал поля...»	0058
«Песок сыпучий по колени...»	0059
Осенний вечер	0060
Mal'aria	0061
Листья	0062
Весенние воды	0064
Silentium!	0065
«Как над горячею золойКак над горячею золой...»	0066
«За нашим веком мы идем...»	0067
Весеннее успокоение (Из Уланда)	0067
«На древе человечества высоком...»	0068
Problème	0069
«В душном воздухе молчанье...»	0070
«Что ты клонишь над водами...»	0071
«Вечер мгlistый и ненастный...»	0072
Сон на море	0072

Арфа скальда	0074
«Я лютеран люблю богослуженье...»	0075
«О чем ты воешь, ветер ночной?...»	0076
«Поток сгустился и тускнеет...»	0077
«И гроб опущен уж в могилу...»	0078
«Восток белел. Ладья катилась...»	0079
«Как птичка, раннею зарей...»	0080
«Там, где горы, убегая...»	0081
«Сижу задумчив и один...»	0083
«Нет, моего к тебе пристрастья...»	0084
«Как сладко дремлет сад темно-зеленый...»	0085
«Тени сизые смешались...»	0087
«Какое дикое ущелье!...»	0088
«С поляны коршун поднялся...»	0089
Фонтан	0089
«Зима недаром злится...»	0090
«Душа хотела б быть звездой...»	0092
«Яркий снег сиял в долине...»	0093
«Не то, что мните вы, природа...»	0094
«Еще земли печален вид...»	0096
«И чувства нет в твоих очах...»	0097
«Люблю глаза твои, мой друг...»	0099
«Вчера, в мечтах обвороженных...»	0100
«Из края в край, из града в град...»	0102
«Я помню время золотое...»	0103
29-ое января 1837	0107
1-ое декабря 1837	0108

Итальянская villa	0109
«Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...» .	0112
«С какую негою, с какой тоской влюбленной...»	0114
«Смотри, как запад разгорелся...»	0115
Весна	0116
«Не верь, не верь поэту, дева...»	0118
День и ночь	0119
«Живым сочувствием привета...»	0120
О север, север-чародей	0122
#1	0122
«Глядел я, стоя над Невой...»	0123
Колумб	0124
Море и утес	0125
«Еще томлюсь тоской желаний...»	0126
«Итак, опять увиделся я с вами...»	0127
«Неохотно и несмело...»	0129
«Тихой ночью, поздним летом...»	0130
«Когда в кругу убийственных забот...» . . .	0131
«По равнине вод лазурной...»	0132
«Вновь твои я вижу очи...»	0133
«Как он любил родные ели...»	0134
«Слезы людские, о слезы людские...»	0135
«Святая ночь на небосклон взошла...» . . .	0136
Русской женщине	0138
«Как дымный столп светлеет в вышине!...»	0139
Рим ночью	0140

Венеция	0141
«Кончен пир, умолкли хоры...»	0142
Поэзия	0143
«Пошли, Господь, свою отраду...»	0144
На Небе	0145
Графине Е. П. Ростопчиной (В ответ на ее письмо)	0146
«Не рассуждай, не хлопочи!...»	0148
Два голоса	0148
О, как убийственно мы любим!	0150
#1	0150
«Как ни дышит полдень знойный...»	0151
«О, как убийственно мы любим...»	0154
«Не раз ты слышала признанье...»	0157
«День вечереет, ночь близка...»	0158
Предопределение	0159
«Не говори: меня он, как и прежде, любит...»	0160
«О, не тревожь меня укорой справедливой!...»	0161
«Чему молилась ты с любовью...»	0162
«Сияет солнце, воды блещут...»	0163
Последняя любовь	0164
«Пламя рдеет, пламя пышет...»	0165
«Хоть я и свил гнездо в долине...»	0168
«Когда на то нет Божьего согласия...»	0169
«О, этот Юг, о, эта Ницца!...»	0170
«Весь день она лежала в забытьи...»	0170

«Есть и в моем страдальческом застое...»	0172
«Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...»	0175
Накануне годовщины 4 августа 1864 г. . . .	0177
«В разлуке есть высокое значенье...»	0178
«Не знаю я, коснется ль благодать...»	0180
Лето 1854	0181
«Увы, что нашего незнания...»	0182
«Все, что сберечь мне удалось...»	0183
«В часы, когда бывает...»	0183
«Все отнял у меня казнящий Бог...»	0186
«Она сидела на полу...»	0187
Дни наступят борьбы и торжества	0188
#1	0189
«Под дыханьем непогоды...»	0189
«Обвеян вещею дремотой...»	0190
«Смотри, как на речном просторе...»	0191
Первый лист	0192
«Как весел грохот летних бурь...»	0193
Наш век	0194
Волна и дума	0196
«Не остывшая от зною...»	0197
Из Гёте	0198
«Я очи знал, – о, эти очи!...»	0199
Близнецы	0200
«...»	0201
Памяти В. А. Жуковского	0202
«Чародейкою Зимою...»	0205
«Так, в жизни есть мгновения...»	0206

Спиритистическое предсказание	0207
«Вот от моря и до моря...»	0208
«О вещая душа моя!...»	0210
«Молчи, прошу, не смей меня будить...» (Из Микеланджело)	0211
«Не Богу ты служил и не России...»	0212
1856	0212
«Над этой темною толпой...»	0214
«Есть в осени первоначальной...»	0215
«Смотри, как роща зеленеет...»	0216
«Когда осьмнадцать лет твои...»	0217
Успокоение (Из Ленау)	0217
«Осенней позднею порою...»	0219
На возвратном пути	0220
«Есть много мелких, безымянных...»	0222
Е. Н. Анненковой	0223
Декабрьское утро	0224
«Куда сомнителен мне твой...»	0225
На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского	0225
Александрю Второму	0228
«Я знал ее еще тогда...»	0229
Князю П. А. Вяземскому	0230
При посылке Нового Завета	0232
«Играй, покуда над тобою...»	0233
А. А. Фету	0234
«Иным достался от природы...»	0234
«Как летней иногда порою...»	0235

«Как хорошо ты, о море ночное...»	0237
Все гуще мрак, все пуще горе	0239
#1	0239
«Утихла биза... Легче дышит...»	0239
«Как неразгаданная тайна...»	0241
«Певучесть есть в морских волнах...»	0242
Другу моему Я. П. Полонскому	0243
«Как неожиданно и ярко...»	0243
«Ночное небо так угрюмо...»	0244
«Нет дня, чтобы душа не ныла...»	0245
«Как ни бесилося злоречье...»	0246
«Так! Он спасен! Иначе быть не может!...»	0247
«Когда сочувственно на наше слово...»	0248
«Тихо в озере струится...»	0248
«Когда дряхлеющие силы...»	0249
На юбилей Н. М. Карамзина	0251
«Умом Россию не понять...»	0253
«Ты долго ль будешь за туманом...»	0253
«Опять стою я над Невой...»	0254
Мотив Гейне	0255
«Две силы есть – две роковые силы...»	0256
«Природа – сфинкс. И тем она верней...»	0258
«Как нас ни угнетай разлука...»	0259
К. Б.	0260
«Чему бы жизнь нас ни учила...»	0261
«Брат, столько лет сопутствовавший мне...»	0262
«От жизни той, что бушевала здесь...»	0263

«Нам не дано предугадать...»	0265
Хроника жизни и творчества Ф. И. Тютчева	0266

Федор Иванович Тютчев
Я встретил вас...
Стихотворения

© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

Блажен, кто посетил сей мир

Ф. И. Тютчев. Портрет маслом работы неизвестного художника. Начало 1820-х годов.

О Тютчеве не спорят; кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии.

И. С. Тургенев.

Из письма к А. А. Фету

К оде Пушкина на вольность

*Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея —
И рабства пыль слетела с ней.
От лиры искры побежали
И вседробящею струей,
Как пламень Божий, ниспадали
На чела бледные царей.*

*Счастлив, кто гласом твердым,
смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден!
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!*

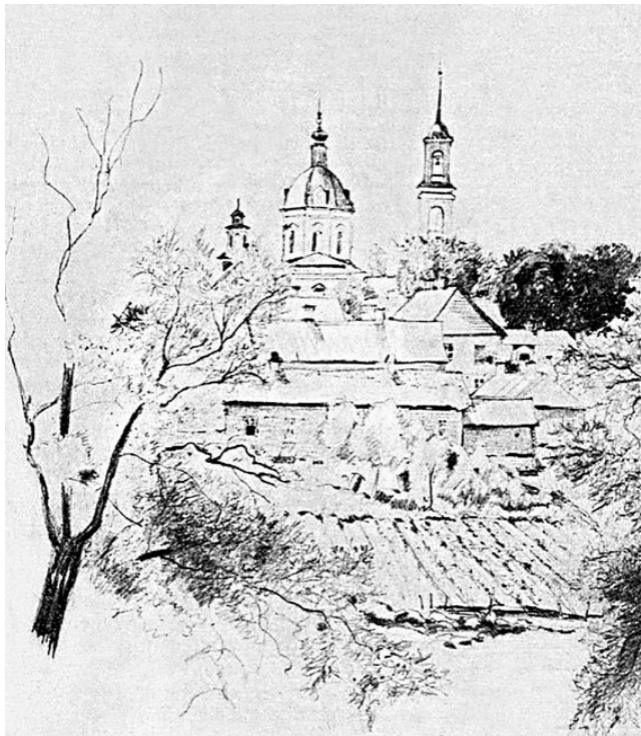
*Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!*

*Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!*

Ноябрь (?) 1820

Москва

Овгуст – родовое имение Тютчевых. Вид из окна. Рисунок сделан с натуры другом Тютчева поэтом Яковом Полонским.

**С чужой стороны
(Из Гейне)**

*На севере мрачном, на дикой ска-
ле*

*Кедр одинокий под снегом бе-
леет,
И сладко заснул он в инистой
мгле,
И сон его вьюга лелеет.*

*Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Во-
стока,
Под пламенным небом, на зной-
ном холму
Стоит и цветет, одинока...*

Н*е ранее апреля 1823–1824*
Мюнхен

В альбом друзьям (Из Байрона)

*Как медлит путника вниманье
На хладных камнях гробовых,
Так привлечет друзей моих
Руки знакомой начертанье!..*

*Чрез много, много лет оно
Напомнит им о прежнем дру-
ге:
«Его уж нету в нашем круге;
Но сердце здесь погребено!..»*

Н*е позднее середины 1826*

Песня (Из Шекспира)

*Заревел голодный лев,
И на месяц волк завыл;
День с трудом преодолев,
Бедный пахарь опочил.*

*Угли гаснут на костре,
Дико филин прокричал
И больному на одре
Скорый саван провещал.*

*Все кладбища, сей порой,
Из зияющих гробов,
В сумрак месяца сырой
Высылают мертвецов!..*

Конец 20-х, начало 30-х гг.

К Н.

Твой милый взор, невинной страсти полный,
Златой рассвет небесных чувств твоих

Не мог – увы! – умилоствивить их

Он служит им укорую безмолвной.

Сии сердца, в которых правды нет,

Они, о друг, бегут, как приговора,
Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.

Но для меня сей взор благодаянье;
Как жизни ключ, в душевной глубине

Твой взор живет и будет жить во мне:

Он нужен ей, как небо и дыханье.

Таков горé духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небес-

ный;
В ночи греха, на дне ужасной без-
дны,
Сей чистый огонь, как пламень ад-
ский, жжет.

23 ноября 1824

Проблеск

*Слышал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полуночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит
сон?..*

*То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшись, потух!*

*Дыханье каждое Зефира
Взрывает скорбь в ее струнах...
Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!*

*О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,*

Прижать к груди своей хотим.

*Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!*

*Но ах, не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.*

*Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон,
И взором трепетным и смут-
ным,
Привстав, окинем небосклон, —*

*И отягченною главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.*

Н*е позднее осени 1825*

Осенью 1825 года Тютчев наконец-то получил законный отпуск. Роковой декабрь застал его в Москве. В городском родительском до-

ме. В июле 1826-го были повешены зачинщики «возмущения», а в августе Федор Иванович написал свой знаменитый политический памфлет «14-ое декабря 1825».

Взгляд Тютчева и на само декабрьское восстание, и на декабристов резко отличается от типично либерального, однако и с консервативной точкой зрения не совпадает: он осуждает декабристов не за то, что осмелились поднять меч на помазанника Божия, то бишь царя, а за то, что они, «жертвы безрассудной и недозрелой мысли», не сообразили: ни кровь, пролитая за святое дело, ни жар их любви к несчастной отчизне не смогут растопить «вековую громаду льда» – русский «вечный полюс» общественного холода[1].

14-ое декабря 1825

*Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, —
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.*

*О жертвы мысли безрассудной,
Вы упали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —
И не осталось и следов.*

Не ранее августа 1826

Парные портреты братьев Тютчевых были заказаны родителями неизвестному, видимо, крепостному, художнику осенью 1825 года, когда младший сын после трехлетней разлуки приехал наконец в отпуск и оба брата

вновь оказались вместе, под крышей отчего дома.

Братья Тютчевы, несмотря на то, что трудно сыскать двух столь разительно непохожих людей, были невероятно дружны с самого раннего детства, благо разница в возрасте была незначительной. Николай Иванович, пошедший и характером, и внешностью в отца, – практичный, добрый, легкий в быту, относился к семье Федора как если бы это была его собственная семья. Основательный, крайне ответственный, он порой выходил из себя, в сердцах называя брата пустейшим человеком, но быстро успокаивался и снова тянул семейную лямку. К нему, а не к мужу обращались в случае той или иной неотложной хозяйственной нужды и жены Федора Ивановича. Николай Иванович никогда не отказывал невесткам в помощи.

Братья Тютчевы Николай (вверху) и Федор. Парные портреты работы неизвестного художника.

Ф. И. Тютчев. *Портрет работы неизвестного художника.* <1825 г. >

Н. И. Тютчев. *Портрет работы неизвестного художника.* <Москва, сентябрь-ноябрь

1825 г.>

Cache-cache[2]

*Вот арфа ее в обычном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на по-
лу:*

Условное время! Но где же она?

*О, кто мне поможет шалунью
сыскать,
Где, где приютилась сифлида
моя?*

*Волшебную близость, как бы бла-
годать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.*

*Гвоздики недаром лукаво глядят,
Недаром, о розы, на ваших листьях
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в
цветах!*

*Не арфы ль твоей мне слышал-
ся звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться
златых?
Металл содрогнулся, тобой*

оживлен,
И сладостный трепет еще не за-
тих.

Как пляшут пылинки в полднев-
ных лучах,
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых
очах,
Его упоенье известно и мне.

Влетел мотылек, и с цветка на
другой,
Притворно-беспечный, он начал
порхать.
О, полно кружиться, мой гость
дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не
узнать?

Не позднее 1828

Элеонора Ф. Тютчева, первая жена по-
эта. Портрет работы неизвестного художни-
ка (масло). Мюнхен, середина 1820-х годов.

Дочери Тютчева от первого брака. Слева направо: Анна, Дарья, Екатерина. Рисунок А. Саломе. Мюнхен, 1843 г.

Весенняя гроза

Люблю грозу в начале мая,

*Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.*

*Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.*

*С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Все вторит весело громам.*

*Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.*

Н*е позднее 1828*

Летний вечер

*Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.*

*Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.*

*Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.*

*И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды.*

Н*е позднее 1828*

Видение

*Есть некий час, в ночи, всемирно-
го молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище
небес.*

*Тогда густеет ночь, как хаос на
водах,
Беспамятство, как Атлас, давит
сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги
снах!*

1828 – не позднее первой половины 1829

Бессонница

*Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятнй каждому, как со-
весть!*

*Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?*

*Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг —
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих;*

*И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак, на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали;*

*И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!*

*Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!*

Н*е позднее 1829*

Утро в горах

*Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.*

*Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.*

Н*е позднее 1829*
Зальцбург(?)

Снежные горы

*Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами, —
И задымилася гора
С своими черными лесами.*

*Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи,
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи.*

*И между тем как полусонный
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, —*

*Горé, как божества родные,
Над издыхающей землей
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.*

Н*е позднее 1829
Зальцбург*

К N.N.

*Ты любишь, ты притворствоваться
умеешь, —
Когда в толпе, украдкой от лю-
дей,
Моя нога касается твоей —
Ты мне ответ даешь – и не крас-
неешь!*

*Все тот же вид рассеянный, без-
душный,
Движенье персей, взор, улыбка та
ж...
Меж тем твой муж, сей нена-
вистный страж,
Любуется твоей красой послуш-
ной.*

*Благодаря и людям и судьбе,
Ты тайным радостям узнала це-
ну,
Узнала свет: он ставит нам в из-
мену
Все радости... Измена льстит те-
бе.*

Стыдливости румянец невоз-
вратный,
Он улетел с твоих молодых ланит
—
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.

Но так и быть! в палящий лет-
ний зной
Лестней для чувств, приманчивей
для взгляда
Смотреть, в тени, как в кисти
винограда
Сверкает кровь сквозь зелени гу-
стой.

Не позднее 1829

Последний катаклизм

*Когда пробьет последний час при-
роды,
Состав частей разрушится зем-
ных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!*

Н*е позднее 1829*

«Еще шумел веселый день...»

*Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала.*

*И доносились порой
Все звуки жизни благодатной —
И все в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный и невнят-
ный.*

*Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье;
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье...*

*Затих повсюду шум и гам,
И воцарилось молчанье —
Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье...*

*Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.*

*И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлек, незримый, в царство те-
ней.*

Н*е позднее 1829*

Вечер

*Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шорох стаи журавлиной,
И в шуме листьев замер он.*

*Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, —
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.*

Н*е позднее 1829*

Полдень

*Лениво дышит полдень мгли-
стый,
Лениво катится река,
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.*

*И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.*

Н^{е позднее 1829}

Лебедь

*Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя впивает солнца свет.*

*Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего —
И чистой, как ты сам, одело
Тебя стихией божество.*

*Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон —
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.*

1828⁻¹⁸²⁹ Элеонора Тютчева. Миниатюра
И. Шелера, 1830-е годы.

**«Ты зрел его в кругу большого
света...»**

Ты зрел его в кругу большого света —

То своенравно-весел, то угрюм,
Рассеян, дик иль полон тайных дум,
Таков поэт – и ты презрел поэта!

На месяц взглянь: весь день, как
облак тощий,
Он в небесах едва не изнемог, —
Настала ночь – и, светозарный бог,
Сияет он над усыпленной рощей!

Декабрь 1829 – начало 1830

**«В толпе людей, в нескромном
шуме дня...»**

В толпе людей, в нескромном шуме дня
Порой мой взор, движенья, чувства, речи
Твоей не смеют радоваться встрече —
Душа моя! о, не вини меня!..

Смотри, как днем туманисто-бе-

ло
Чуть брезжит в небе месяц светозарный,
Наступит ночь – и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!

1829 – начало 1830

«Как океан объемлет шар земной...»

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята
снами;
Настанет ночь – и звучными волнами
 Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
 В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой
звездной
Таинственно глядит из глубины,
—

И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Не позднее первых месяцев 1830

Конь морской

О рьяный конь, о конь морской,
С бледно-зеленой гривой,
То смиренный, ласково-ручной,
То бешено-игривый!
Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком божьем поле;
Тебя он прядать научил,
Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав,
В своей надменной силе,
Густую гриву растрепав
И весь в пару и мыле,
К берегам направив бурный бег,
С веселым ржаньем мчишься,
Копыта кинешь в звонкий брег
И – в брызги разлетишься!..

1830, не ранее марта

**«Здесь, где так вяло свод
небесный...»**

*Здесь, где так вяло свод небесный
На землю тощую глядит, —
Здесь, погружившись в сон желез-
ный,
Усталая природа спит...*

*Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.*

Конец мая 1830,
По дороге из Мюнхена в Россию

Успокоение

*Гроза прошла – еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сражен-
ный,
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозою освеженной.
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздала-
ся,
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася.*

Июль – август 1830

Безумие

*Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, —
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.*

*Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.*

*То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слу-
хом
С довольством тайным на челе.*

*И мнит, что слышит струй кипе-
нье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!..*

Двум сестрам

*Обеих вас я видел вместе —
И всю тебя узнал я в ней...
Та ж взоров тихость, нежность
гласа,
Та ж прелесть утреннего часа,
Что веяла с главы твоей!*

*И все, как в зеркале волшебном,
Все обозначилоя вновь:
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!*

Июнь – сентябрь 1830

Странник

*Угоден Зевсу бедный странник,
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..*

*Сей дивный мир, их рук созданье,
С разнообразием своим,
Лежит развитый перед ним
В утеху, пользу, назиданье...*

*Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога, —
Ему отверста вся земля,
Он видит все и славит Бога!*

Альпы

Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят;
Помертвелые их очи
Льдистым ужасом разят.
Властью некой обаянны,
До восшествия Зари
Дремлют, грозны и туманны,
Словно падшие цари!..

Но Восток лишь заалееет,
Чарам гибельным концец —
Первый в небе просветлеет
Брата старшего венец,
И с главы большого брата
На меньших бежит струя,
И блестит в венцах из злата
Вся воскресшая семья!..

«Сей день, я помню, для меня...»

*Сей день, я помню, для меня
Был утром жизненного дня:
Стояла молча предо мною,
Вздыхалась грудь ее волною,
Алели щеки, как заря,
Все жарче рдея и горя!
И вдруг, как солнце молодое,
Любви признанье золотое
Исторглось из груди ея...
И новый мир увидел я!..*

Цицерон

*Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и трево-
ги:*

*«Я поздно встал – и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так!, но, прощаясь с римской сла-
вой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавой!..*

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые![3]
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!*

Август – сентябрь 1830

«Через ливонские я проезжал поля...»

*Через ливонские я проезжал поля,
Вокруг меня все было так уныло...
Бесцветный грунт небес, песчаная
земля —
Все на душу раздумье наводило.*

*Я вспомнил о былом печальной
сей земли —
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ее, простертые в пы-
ли,
Лобзали рыцарскую шпору.*

*И, глядя на тебя, пустынная река,
И на тебя, прибрежная дуброва,
«Вы, – мыслил я, – пришли издале-
ка,
Вы, сверстники сего былого!»*

*Так! вам одним лишь удалось
Дойти до нас с берегов другого све-
та.
О, если б про него хоть на один во-
прос*

Мог допроситься я ответа!..

Но твой, природа, мир о днях бы-
лых молчит
С улыбкою двусмысленной и тай-
ной, —
Так отрок, чар ночных свидетель
быв

случайный,
Про них и днем молчание хранит.

Начало октября 1830

По дороге из Петербурга в Мюнхен

«Песок сыпучий по колени...»

*Песок сыпучий по колени...
Мы едем – поздно – меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий —
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста!*

Начало октября 1830

По дороге из Петербурга в Мюнхен

Осенний вечер

*Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:*

*Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,*

*Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,*

Порывистый, холодный ветер порою,

*Ущерб, изнеможенье – и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем*

Божественной стыдливостью страданья.

Сентябрь – октябрь 1830

Mal'aria[4]

*Люблю сей Божий гнев! Люблю
сие, незримо
Во всем разлитое, таинственное
Зло —*

*В цветах, в источнике прозрач-
ном, как стекло,
И в радужных лучах, и в самом
небе Рима.*

*Все та же высокая, безоблачная
твердь,*

*Все так же грудь твоя легко и
сладко дышит,*

*Все тот же теплый ветер верхи
дерев колышет,*

*Все тот же запах роз, и это все
есть*

Смерть!

..

*Как ведать, может быть, и есть
в природе звуки,*

*Благоухания, цвета и голоса,
Предвестники для нас последнего
часа*

И усладители последней нашей

муки.
И ими-то Судеб посланник роковой,
Когда сынов Земли из жизни вызывает,
Как тканью легкою свой образ прикрывает,
Да утаит от них приход ужасный свой!

Листья

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.

Мы ж, легкое племя,
Цветем и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Все красное лето
Мы были в красе,
Играли с лучами,

Купались в росе!..
Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!

О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим,
Летите, летите!
Мы с вами летим!..

Сентябрь – октябрь 1830

Эрн. Ф. Тютчева, вторая жена поэта.
Портрет работы Ф. Дюрка (масло). Мюнхен,
1840 г.

Весенние воды

Еще в полях белеет снег,

*А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...*

*Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»*

*Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.*

Н*е позднее 1830*

Silentium![5]

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими – и молчи.*

*Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.*

*Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими – и молчи.*

*Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью – и молчи!..*

Н*е позднее 1830*

**«Как над горячею золойКак над
горячею золой...»**

*Как над горячею золой[6]
Дымится свиток и сгорает,
И огонь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожирает,*

*Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом;
Так постепенно гасну я
В однообразии нестерпимом!..*

*О небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле,
И, не томясь, не мучась доле,*

Я просиял бы – и погас!

Н*е позднее 1830*

«За нашим веком мы идем...»

*За нашим веком мы идем, —
Как шла Креуза[7] за Энеем:
Пройдем немного – ослабеем,
Убавим шаг – отстаем.*

Н*е позднее 12 декабря 1830*

**Весеннее успокоение
(Из Уланда)**

*О, не кладите меня
В землю сырую
Скройте, заройте меня
В траву густую!*

*Пускай дыханье ветерка
Шевелит травую,
Свирель поет издалека,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною!..*

Н*е позднее первых месяцев 1832*

«На древе человечества высококом...»

*На древе человечества высококом
Ты лучшим был его листом[8],
Воспитанный его чистейшим со-
ком,
Развит чистейшим солнечным
лучом!*

*С его великою душою
Созвучней всех на нем ты трепе-
тал!
Пророчески беседовал с грозой
Иль весело с зефирами играл!*

*Не поздний вихрь, не бурный ли-
вень летний
Тебя сорвал с родимого сучка:
Был многих краше, многих долго-
летней,
И сам собою пал, как из венка!*

После 22 марта 1832

Problème[9]

*С горы скатившись, камень лег в долине.
Как он упал? никто не знает ныне*

—
*Сорвался ль он с вершины сам собой,
Иль был низринут волею чужой?
Столетье за столетьем пронес-
лося:
Никто еще не разрешил вопроса.*

15 января 1833

«В душном воздухе молчанье...»

*В душном воздухе молчанье[10],
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Звонче голос стрекозы...*

*Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...*

*Жизни некий преизбыток
В знойном воздухе разлит,
Как божественный напиток,
В жилах млеет и горит!*

*Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?..
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?*

*Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..*

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..

Н*е позднее 1835*

«Что ты клонишь над водами...»

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою?
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей...
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой...

Н*е позднее 1835*

«Вечер мгlistый и ненастный...»

*Вечер мгlistый и ненастный...
Чу, не жаворонка ль глас?..
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?..
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час,
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!..*

Н*е позднее 1835*

Сон на море

*И море и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликались ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшеб-
но-немой,*

Он веял легко над гремящею
тьмой.
В лучах огневицы развил он свой
мир —
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лабиринфы, чертоги, стол-
пы,
И сонмы кипели безмолвной тол-
пы.
Я много узнал мне неведомых
лиц,
Зрел тварей волшебных, таин-
ственных птиц,
По высям творенья, как бог, я ша-
гал,
И мир подо мною недвижный си-
ял.
Но все грезы насквозь, как волшеб-
ника вой,
Мне слышался грохот пучины
морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалась пена ревущих валов.

Сентябрь (?) 1833

Арфа скальда

*О арфа скальда! Долго ты спала
В тени, в пыли забытого угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свет блеснул в твоём
углу,
Вдруг чудный звон затрепетал в
струне
Как бред души, встревоженной во
сне.*

*Какой он жизнью на тебядохнул?
Иль старину тебе он вспомянул*

*Как по ночам здесь сладостраст-
ных дев
Давно минувший вторился напев,
Иль в сих цветущих и поднесь са-
дах
Их легких ног скользил незримый
шаг?*

21 апреля 1834

«Я лютеран люблю богослуженье...»

*Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой —
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.*

*Не видите ль? Собравшись в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит, —*

*Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь Богу,
В последний раз вы молитесь теперь.*

16 сентября 1834

«О чем ты воешь, ветер ночной?...»

*О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос
твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..*

*О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет
слиться!..
О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..*

Н*е позднее 1835*

«Поток сгустился и тускнеет...»

*Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твердым льдом,
И гаснет цвет, и звук немеет
В оцепененье ледяном, —
Лишь жизнь бессмертную ключа
Сковать всесильный хлад не мо-
жет:
Она все льется – и, журча,
Молчанье мертвое тревожит.*

*Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия,
Не льется юности веселой,
Не блещет резвая струя, —
Но подо льдистою корою
Еще есть жизнь, еще есть ропот
—
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шепот.*

Н*е позднее 1835*

«И гроб опущен уж в могилу...»

*И гроб опущен уж в могилу,
И все столпилось вокруг...
Толкуются, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух...*

*И над могилою раскрытой,
В возглавии, где гроб стоит,
Ученый пастор, сановитый,
Речь погребальную гласит...*

*Вещает брэнность человечью,
Грехопаденье, кровь Христа...
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...*

*А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...*

Н*е позднее 1835*

«Восток белел. Ладья катилась...»

Восток белел. Ладья катилась[11]

*Ветрило весело звучало, —
Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало...*

*Восток алел. Она молилась,
С чела откинув покрывало,
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликovalo...*

*Восток вспылал. Она склонилась,
Блестящая поникла вяя, —
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые...*

Н*е позднее 1835*

«Как птичка, раннею зарей...»

*Как птичка, раннею зарей
Мир, пробудившись, встрепенулся.
Ах, лишь одной главы моей
Сон благодатный не коснулся!
Хоть свежесть утренняя веет
В моих всклокоченных власах,
На мне, я чую, тяготеет
Вчерашний зной, вчерашний прах!*

*О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня!..
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..
О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..*

*Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век!
Как ваших жалоб, ваших пеней
Неправый праведен упрек!
Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью*

За новым племенем брести!..

Н*е позднее 1835*

«Там, где горы, убегая...»

*Там, где горы, убегая,
В светлой тянутся дали,
Пресловутого Дуная
Льются вечные струи...*

*Там-то, баяют, в стары годы,
По лазуревым ночам,
Фей вилися хороводы
Под водой и по водам;*

*Месяц слушал, волны пели,
И, навесясь с гор крутых,
Замки рыцарей глядели
С сладким ужасом на них.*

*И лучами неземными,
Заключен и одинок,
Перемигивался с ними
С древней башни огонек.*

*Звезды в небе им внимали,
Проходя за строем строй,
И беседу продолжали*

Тихомолком меж собой.

*В панцирь дедовский закован,
Воин-сторож на стене
Слышал, тайно очарован,
Дальний гул, как бы во сне.*

*Чуть дремотой забывался,
Гул ясел и грохотал...
Он с молитвой просыпался
И дозор свой продолжал.*

*Все прошло, все взяли годы —
Поддался и ты судьбе,
О Дунай, и пароходы
Нынче рыщут по тебе.*

Н*е позднее 1835*

«Сижу задумчив и один...»

Сижу задумчив и один,
На потухающий камин
Сквозь слез гляжу...
С тоскою мыслю о былом
И слов в унынии моем
Не нахожу.

Былое – было ли когда?
Что ныне – будет ли всегда?..
Оно пройдет —
Пройдет оно, как все прошло,
И канет в темное жерло
За годом год.

За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,
Сей злак земной!..
Он быстро, быстро вянет – так,
Но с новым летом новый злак
И лист иной.

И снова будет все, что есть,
И снова розы будут цвести,
И терны тож...
Но ты, мой бедный, бледный

*цвет,
Тебе уж возрожденья нет,
Не расцветешь!*

*Ты сорван был моей рукой,
С каким блаженством и тоской,
То знает Бог!..
Останься ж на груди моей,
Пока любви не замер в ней
Последний вздох.*

Н*е позднее 1835*

«Нет, моего к тебе пристрастья...»

*Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля!
Духов бесплотных сладостра-
стья,
Твой верный сын, не жажду я.
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны?..*

*Весь день, в бездействии глубо-
ком,
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком*

*Порою облака следить;
Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух синели
[12]
Или на светлую мечту...*

Н*е позднее 1835*

«Как сладко дремлет сад темно-зеленый...»

*Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убреленной,
Как сладко светит месяц золотой!..*

*Таинственно, как в первый день
созданья,
В бездонном небе звездный сонм
горит,
Музыки дальней слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит...*

На мир дневной спустилася заве-
са;
Изнемогло движенье, труд
уснул...
Над спящим градом, как в верши-
нах леса,
Проснулся чудный, еженочный
гул...

Откуда он, сей гул непостижи-
мый?..
Иль смертных дум, освобожден-
ных сном,
Мир бестелесный, слышный, но
незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..

Не позднее 1835

«Тени сизые смешались...»

*Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул.
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем!..*

*Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства – мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!*

Н*e позднее 1835*

«Какое дикое ущелье!..»

*Какое дикое ущелье!
Ко мне навстречу ключ бежит —
Он в дол спешит на новоселье...
Я лезу вверх, где ель стоит.*

*Вот взобрался я на вершину,
Сижу здесь, радостен и тих...
Ты к людям, ключ, спешишь в до-
лину —
Попробуй, каково у них!*

Н*е позднее 1835*

«С поляны коршун поднялся...»

*С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Все выше, дале вьется он,
И вот ушел за небосклон.*

*Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земле!..*

Н*е позднее 1835*

Фонтан

*Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.*

*О смертной мысли водомет,
О водомет неистоимый!
Какой закон непостижимый*

*Тебя стремится, тебя мянет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.*

Н*е позднее апреля 1836*
Автограф стихотворения «Зима не-
даром злится».

«Зима недаром злится...»

*Зима недаром злится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.*

*И все засуеилось,
Все нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.*

*Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...*

Взбесилась ведьма злая

Знака не даромо снится,
Крошится ея кора —
Взвешиваю окно ступеньки
К шкатулке и шкатулке —
К вене Валуевской —
Кто издана была вое?
К шкатулке в шкатулке
Уже подниму шкатулку —

Знака еще кто знает
К на Валуевскую:
Кто ей во вене шкатулка,
К шкатулке шкатулка...

Востановил Востановил,
К шкатулке Востановил,
К шкатулке, шкатулка,
К шкатулке Востановил...

Востановил и Востановил:
К шкатулке Востановил,
К шкатулке Востановил,
К шкатулке Востановил

*И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...*

*Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.*

Н*е позднее апреля 1836*

«Душа хотела б быть звездой...»

*Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, —*

*Но днем, когда, сокрытые как ды-
мом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят свет-
лей
В эфире чистом и незримом.*

Н*е позднее апреля 1836*

«Яркий снег сиял в долине...»

*Яркий снег сиял в долине, —
Снег растаял и ушел;
Вешний злак блестит в долине, —
Злак увянет и уйдет.*

*Но который век белеет
Там, на высях снеговых?
А заря и ныне сеет
Розы свежие на них!..*

Н*е позднее апреля 1836*

Тютчев. Акварель И. Рехберг, 1838 г.

«Не то, что мните вы, природа...»

Не то, что мните вы, природа:

Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть
язык...

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнцы, зная, не дышат
И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещаюсь с ними
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Увы, души в нем не встревожит
И голос матери самой!

Не позднее апреля 1836

«Еще земли печален вид...»

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебель колышет,
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редящего сна
Весну слышала она,
И ей невольно улыбнулась...

Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает и целует
И золотит твои мечты?..
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..

Не позднее апреля 1836

«И чувства нет в твоих очах...»

*И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе.*

*Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении творца!
И смысла нет в мольбе!*

Не позднее апреля 1836

Тютчев поглощен своей великой любовью к Эрнестине. А когда служебные обязанности и чувство семейного долга все-таки возвращают влюбленного поэта на бедную скучную землю, он томится, раздражается и так отчаянно тоскует, что жене кажется, что «Теодор» близок к помешательству. Впрочем, чуткая Элеонора вскоре догадалась, что безумие мужа – безумие страсти, а вовсе не наследственная ипохондрия. Элеонора не знала ни слова по-русски и русских стихов мужа оценить не могла, иначе наверняка вспомнила бы его перевод из Шекспира, сделанный в нача-

ле их брачного союза, в конце 20-х годов:

*Любовники, безумцы и поэты
Из одного воображенья слиты!..*

Эрнестина фон Дёрнберг была женщиной с принципами, влюбленные после каждой встречи, по ее инициативе, «расставались навсегда». Чтобы через несколько месяцев, по отчаянному настоянию Тютчева, вновь встретиться... Элеонора, вначале было решившая, что у Теодора очередная амурная фантазия, забеспокоилась всерьез. Весной 1836 года она, на глазах у всего Мюнхена, выбежав из дома на людную улицу, пыталась покончить с собой. Эрнестина, испуганная и виноватая, запретила Федору Ивановичу искать встреч.

Эрн. Ф. Тютчева. Литография Г. Бодмера с портрета маслом работы И. Штилера. 1830-е годы.

«Люблю глаза твои, мой друг...»

Люблю глаза твои, мой друг[13],

*С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымаешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...*

*Но есть сильнее очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья.*

Н*е позднее апреля 1836*

**«Вчера, в мечтах
обвороженных...»**

*Вчера, в мечтах обвороженных
[14],
С последним месяца лучом
На веждах, томно озаренных,
Ты поздним позабылась сном.*

*Утихло вокруг тебя молчанье,
И тень нахмурилась темней,
И груди ровное дыханье
Струилось в воздухе слышней.*

Но сквозь воздушный завес окон

Недолго лился мрак ночной,
И твой, взвеваясь, сонный локон
Играл с незримою мечтой.

Вот тихоструйно, тиховейно,
Как ветерком занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно
Вдруг что-то по́рхнуло в окно.

Вот невидимкой пробежало
По темно-брезжущим коврам,
Вот, ухватись за одеяло,
Взбираться стало по краям, —

Вот, словно змейка извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вот, словно лента развеаясь,
Меж пологамы развилося...

Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись персей молодых,
Румяным, громким восклицаньем
Раскрыло шелк ресниц твоих!

Не позднее апреля 1836

«Из края в край, из града в град...»

*Из края в край, из града в град[15]
Судьба, как вихрь, людей метет,
И рад ли ты или не рад,
Что нужды ей?.. Вперед, вперед!*

*Знакомый звук нам ветер принес:
Любви последнее прости...
За нами много, много слез,
Туман, безвестность впереди!..*

*«О, оглянися, о, постой,
Куда бежать, зачем бежать?..
Любовь осталась за тобой,
Где ж в мире лучшего сыскать?»*

*Любовь осталась за тобой,
В слезах, с отчаяньем в груди...
О, сжался над своей тоской,
Свое блаженство пощади!*

*Блаженство стольких, стольких
дней
Себе на память приведи...
Все милое душе твоей
Ты покидаешь на пути!..»*

*Не время выкликать теней:
И так уж этот мрачен час.
Усопших образ тем страшней,
Чем в жизни был милей для нас.*

*Из края в край, из града в град
Могучий вихрь людей метет,
И рад ли ты или не рад,
Не спросит он... Вперед, вперед!*

Н*е ранее 1834 – не позднее апреля 1836*

«Я помню время золотое...»

*Я помню время золотое[16],
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.*

*И на холму, там, где, белея,
Руина замка вдаль глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит.*

*Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.*

*И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.*

*Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.*

*И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.*

Не ранее 1834 – не позднее апреля 1836

Стихотворение «Я помню время золотое...» посвящено Амалии фон Крюденер. Впрочем, в то «золотое время», когда восемнадцатилетний дипломат, только что приехавший в Мюнхен, и четырнадцатилетняя Амалия встретились, она вовсе не была той победительной красавицей, какой станет через несколько лет. Незаконная дочь немецкого аристократа графа Максимилиана Лерхенфельда и княгини Турн-унд-Таксис (урожден-

ной принцессы Мекленбург-Штрелиц), она в отрочестве, хотя фактически приходилась русской императрице Александре Федоровне, супруге Николая I, кузиной, жила в скромной бедности и носила простую фамилию Штернфельд из Дармштадта. Лишь в 1823 году хлопотами ее единокровного брата Амалии было разрешено именоваться графиней Лерхенфельд, правда, без права на герб и генеалогию. Федор Тютчев по обыкновению страстно влюбился, но и Амалия была тронута, молодые люди даже обменялись шейными цепочками. Слуга молодого барина ворчал: Феденька в обмен на золотую старинную цепь получил шелковый шнурок – никаких других украшений у незаконнорожденной девочки не было... Вскоре молодой дипломат уехал в отпуск в Россию, а когда вернулся, Амалия была уже баронессой фон Крюденер. Мужа она не любила, но это не слишком приятное для семнадцатилетней красавицы обстоятельство, видимо, компенсировалось толпой поклонников и любовников, в числе которых, кстати, были и первые лица империи – и сам Николай, и шеф его голубых жандармов граф Бенкендорф...

Овдовев, баронесса снова вышла замуж, на этот раз по взаимной любви: ее муж генерал-губернатор Финляндии Николай Адлерберг был младше своей сорокасемилетней супруги на одиннадцать лет. Природа одарила Амалию Крюденер-Адлерберг не только удивительной нестареющей красотой, но и благодарной, долгой памятью сердца. Она тайком, не афишируя своих действий и мотивов, всю жизнь помогала Тютчеву получать и сохранять относительно доходные места службы, хотя прекрасно знала, что дипломат он никакой, чиновник нерасторопный, а цензор слишком уж снисходительный... Она даже вернула обещанный при обмене шейными крестильными цепочками поцелуй... Без приглашения пришла к умирающему Тютчеву. Потрясенный поэт так описал этот визит в письме к дочери:

«Вчера я испытал минуту жгучего волнения вследствие моего свидания с графиней Адлерберг, моей доброй Амалией Крюденер, которая пожелала в последний раз повидать меня на этом свете и приезжала проститься со мной. В ее лице прошлое лучших моих лет

явилось дать мне прощальный поцелуй».

29-ое января 1837

*Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?
Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною,
Навек он высшею рукою
В «цареубийцы» заклеямен.*

*Но ты, в безвременную тьму
Вдруг поглощенная со света,
Мир, мир тебе, о тень поэта,
Мир светлый праху твоему!..
Назло людскому суесловью
Велик и свят был жребий твой!..
Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах... знойной
кровью.*

*И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолил —
И осененный опочил
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть Тот рассу-*

дит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

1837, май – июнь(?)
Петербург

1-ое декабря 1837

Так здесь-то суждено нам было
Сказать последнее прости...
Прости всему, чем сердце жило,
Что, жизнь твою убив, ее испепе-
лило
В твоей измученной груди!..

Прости... Чрез много, много лет
Ты будешь помнить с содрога-
нием
Сей край, сей берег с его полуден-
ным

сияньем,

Где вечный блеск и долгий цвет,
Где поздних, бледных роз дыха-
нием
Декабрьский воздух разогрет.

1⁸³⁷ Генуя
Тютчев.
<1848–1849>

Дагерротип.

Петербург,

Итальянская villa[17]

*И распротаясь с тревогою жи-
тейской,
И кипарисной рощей заслонясь, —
Блаженной тенью, тенью элисей-
ской,
Она заснула в добрый час.*

*И вот, уж века два тому иль боле,
Волшебною мечтой ограждена,
В своей цветущей опочив юдоле,
На волю неба предалась она.*

*Но небо здесь к земле так благо-
склонно!..
И много лет и теплых южных
зим
Провеяло над нею полусонно,
Не тронувши ее крылом своим.*

*По-прежнему в углу фонтан лепе-
чет,*

Под потолком гуляет ветерок,
И ласточка влетает и щебечет...
И спит она... и сон ее глубокий!..

И мы вошли... все было так спо-
койно!
Так все от века мирно и темно!..
Фонтан журчал... Недвижимо и
стройно
Соседний кипарис глядел в окно.

Вдруг все смутилось: судорожный
трепет
По ветвям кипарисным пробе-
жал, —
Фонтан замолк – и некий чудный
лепет,
Как бы сквозь сон, невнятно про-
шептал.

Что это, друг? Иль злая жизнь
недаром,
Та жизнь, – увы! – что в нас тогда
текла,
Та злая жизнь, с ее мятежным
жаром,

Через порог заветный перешла?

Декабрь 1837
Генуя

**«Давно ль, давно ль, о Юг
блаженный...»**

Давно ль, давно ль, о Юг блажен-
ный,
Я зрел тебя лицом к лицу —
И ты, как бог разоблаченный,
Доступен был мне, пришлецу?..
Давно ль – хотя без восхищенья,
Но новых чувств недаром полн —
И я заслушивался пенья
Великих Средиземных волн!

И песнь их, как во время оно,
Полна гармонии была,
Когда из их родного лона
Киприда светлая всплыла...
Они все те же и поныне —
Все так же блещут и звучат;
По их лазоревой равнине
Святые призраки скользят.
Но я, я с вами распростился —
Я вновь на Север увлечен...

Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклон...
Здесь воздух колет.
Снег обильный
На высотах и в глубине —
И холод, чародей всемогущий,
Один здесь царствует вполне.

Но там, за этим царством вью-
ги,
Там, там, на рубеже земли,
На золотом, на светлом Юге,
Еще я вижу вас вдали:
Вы блещете еще прекрасней,
Еще лазурней и свежей —
И говор ваш еще согласней
Доходит до души моей!

Декабрь 1837
Турин

«С какою негою, с какою тоской влюбленной...»

*С какою негою, с какою тоской
влюбленной[18]*

*Твой взор, твой страстный взор
изнемогал*

на

нем!

*Бессмысленно-нема... нема, как
опаленный*

Небесной молнии огнем!

*Вдруг от избытка чувств, от пол-
ноты*

сердеч-

ной,

*Вся трепет, вся в слезах, ты по-
вергалась*

ниц

...

*Но скоро добрый сон, младенчески
беспечный,*

Сходил на шелк твоих ресниц

—

*И на руки к нему глава твоя скло-
нялась,*

И, матери нежней, тебя лелеял

он...

Стон замирал в устах... дыханье
уравнялось —

И тих и сладок был твой сон.
А днесь... О, если бы тогда тебе
приснилось,
Что будущность для нас обоих бе-
регла...

Как уязвленная, ты б с воплем
пробудилась,

Иль в сон иной бы перешла.

Декабрь (?) 1837

«Смотри, как запад разгорелся...»

Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей,
Восток померкнувший оделся
Холодной, сизой чешуей!
В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И, неподвижную средюю
Деля, не съединяет их?

Не позднее первых месяцев 1838

Весна

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран;
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены, —
Что устоит перед дыханьем
И первой встречей весны!
Весна... она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе.

Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.
Цветами сыплет над землею,
Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею —
О том не ведает она:
По небу много облак бродит,
Но эти облака ея;
Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.

Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет;
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет, —
И страх кончины неизбежный
Не светит с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

Не позднее 1838

«Не верь, не верь поэту, дева...»

*Не верь, не верь поэту, дева;
Его своим ты не зови —
И пуще пламенного гнева
Страшишь поэтовой любви!*

*Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой;
Огня палящего не скроешь
Под легкой девственной фатой.*

*Поэт всесилен, как стихия,
Не властен лишь в себе самом;
Невольно кудри молодые
Он обожжет своим венцом.*

*Вотще поносит или хвалит
Его бессмысленный народ...
Он не змиею сердце жалит,
Но, как пчела, его сосет.*

*Твоей святыни не нарушит
Поэта чистая рука,
Но ненароком жизнь задушит
Иль унесет за облака.*

Н*е позднее начала 1839*

День и ночь

*На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День – сей блистательный покров
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!*

*Но меркнет день – настала ночь;
Пришла – и с мира рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!*

Н*е позднее начала 1839*

«Живым сочувствием привета...»

*Живым сочувствием привета[19]
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта!
Не искушай его мечты!*

*Всю жизнь в толпе людей зате-
рян,
Порой доступен их страстям,
Поэт, я знаю, суеверен,
Но редко служит он властям.*

*Перед кумирами земными
Проходит он, главу склонив,
Или стоит он перед ними
Смущен и гордо-боязлив.*

*Но если вдруг живое слово
С их уст, сорвавшись, упадет
И сквозь величия земного
Вся прелесть женщины мельк-
нет,*

*И человеческим сознанием
Их всемогущей красоты
Вдруг озарятся, как сияньем,*

Изящно-дивные черты, —

О, как в нем сердце пламенеет!

Как он восторжен, умилен!

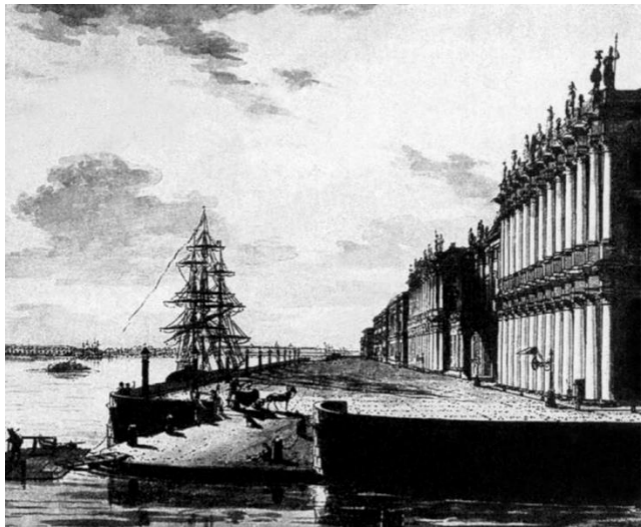
Пускай служить он не умеет, —

Боготворить умеет он!

Октябрь (?) 1840

Мюнхен

О север, север-чародей

Раннее утро на Неве. *Рисунок М. Воробьева.*

«Глядел я, стоя над Невой...»

*Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.*

*Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Белела в мертвенном покое
Оледенелая река.*

*Я вспомнил, грустно-молчалив,
Как в тех странах, где солнце гре-
ет,
Теперь на солнце пламенеет
Роскошный Генуи залив...*

*О Север, Север-чародей,
Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?*

*О, если б мимолетный дух,
Во мгле вечерней тихо вея,
Меня унес скорей, скорее
Туда, туда, на теплый Юг...*

21 ноября 1844
Петербург

Колумб

Тебе, Колумб, тебе венец!
Чертеж земной ты выполнивший
смело
И довершивший наконец
Судеб неконченное дело,
Ты завесу расторг божественной
рукой —
И новый мир, неведомый, неждан-
ный,
Из беспредельности туманной
На Божий свет ты вынес за собой.

Так связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...
Скажи заветное он слово —
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.

Море и утес

*И бунтует и клокочет,
Хлещет, свищет и ревет,
И до звезд допрыгнуть хочет,
До незыблемых высот...
Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огонь геенский разложила —
И пучину взворотила
И поставила вверх дном?*

*Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской
С ревом, свистом, визгом, воем
Бьет в утес береговой, —
Но спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданью современный,
Ты стоишь, наш великан!
Бурный натиск преломив,
Вал отбрызнул сокрушенный,
И струится мутной пеной
Обессиленный порыв...*

Стой же ты, утес могучий!

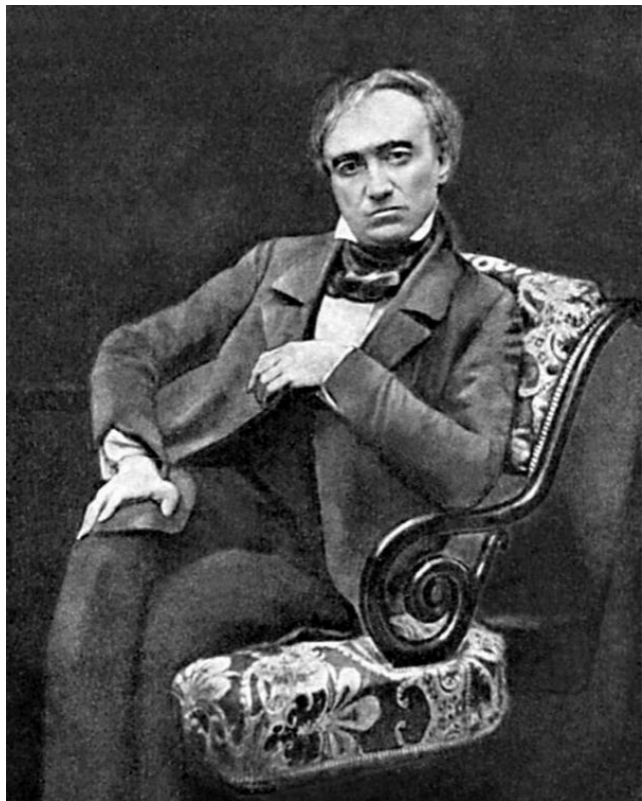
Обожди лишь час, другой —
Надоест волне гремучей
Воевать с твоей пятой...
Утомясь потехой злою,
Присмирееет вновь она —
И без вою, и без бою
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется волна...

1848, не ранее марта – не позднее августа
ста
Петербург

«Еще томлюсь тоской желаний...»

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

1⁸⁴⁸ Тютчев. Дагерротип. <Петербург, около
1850 г>

«Итак, опять увиделся я с вами...»

*Итак, опять увиделся я с вами,
Места немилые, хоть и родные,
Где мыслил я и чувствовал впер-
вые*

*И где теперь туманными очами,
При свете вечеряющего дня,
Мой детский возраст смотрит
на меня.*

*О бедный призрак, немощный и
смутный,
Забывтого, загадочного счастья!
О, как теперь без веры и участия
Смотрю я на тебя, мой гость ми-
нутный,
Куда как чужд ты стал в моих
глазах,
Как брат меньшей, умерший в пе-
ленах...*

*Ах нет, не здесь, не этот край без-
людный
Был для души моей родимым кра-
ем —
Не здесь расцвел, не здесь был ве-
личаем*

Великий праздник молодости чуд-
ной.

Ах, и не в эту землю я сложил
Все, чем я жил и чем я дорожил!

13 июня 1849. Овстуг

«Неохотно и несмело...»

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра теплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Все сердитей и смелей.

*Солнце раз еще взглянуло
Исподлобья на поля,
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.*

6 июля 1849
По дороге из Москвы в Овстуг

«ТИХОЙ НОЧЬЮ, ПОЗДНИМ ЛЕТОМ...»

*Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...*

23 июля 1849
Овстуг

«Когда в кругу убийственных забот...»

Когда в кругу убийственных забот
Нам все мерзит – и жизнь, как
камней

груда,
Лежит на нас, – вдруг, знает Бог
откуда,
Нам на душу отрадное дохнет;
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно при-
поднимет.

Так иногда, осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее доли,
Вдруг ветер подует, теплый и сы-
рой,
Опавший лист погонит пред со-
бою
И душу нам обдаст как бы вес-
ною...

«По равнине вод лазурной...»

*По равнине вод лазурной
Шли мы верною стезей, —
Огнедышащий и бурный
Уносил нас змей морской.*

*С неба звезды нам светили,
Снизу искрилась волна,
И метелью влажной пыли
Обдавала нас она.*

*Мы на палубе сидели,
Многих сон одолевал...
Все звучней колеса пели,
Разгребая шумный вал...*

*Приутих наш круг веселый,
Женский говор, женский шум
Подпирает локоть белый
Много милых, сонных дум.*

*Сны играют на просторе
Под магической луной —
И баюкает их море
Тихоструйною волной.*

29 ноября 1849
Петербург

«ВНОВЬ ТВОИ Я ВИЖУ ОЧИ...»

*Вновь твои я вижу очи —
И один твой южный взгляд
Киммерийской грустной ночи
Вдруг рассеял сонный хлад...
Воскресает предо мною
Край иной – родимый край —
Словно прадедов виною
Для сынов погибший рай...*

*Лавров стройных колыханье
Зыблет воздух голубой,
Моря тихое дыханье
Провекает летний зной,
Целый день на солнце зреет
Золотистый виноград,
Баснословной былью веет
Из-под мраморных аркад...*

*Сновиденьем безобразным
Скрылся север роковой,
Сводом легким и прекрасным
Светит небо надо мной,
Снова жадными очами*

Свет живительный я пью
И под чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

1⁸⁴⁹

«Как он любил родные ели...»

*Как он любил родные ели
Своей Савойи дорогой![20]
Как мелодически шумели
Их ветви над его главой!..
Их мрак торжественно-угрюмый
И дикий, заунывный шум
Какою сладостною думой
Его обворожили ум!..*

1⁸⁴⁹

«Слезы людские, о слезы людские...»

*Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней по-
рой...*

*Льетесь безвестные, льетесь
незримые,
Неистоимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дож-
девые
В осень глухую, порою ночной.*

Октябрь 1849
Петербург

...Тютчев был мастер на экспромты, и многие из лучших его стихотворений были сочинены таким образом. Так, например, вылилось его известное стихотворение «Слезы людские», которое он сочинил, раздеваясь в передней, по возвращении поздно ночью из гостей, в ненастную дождливую погоду.

А. П. Плетнев.

Из воспоминаний «Ф. И. Тютчев»

«Святая ночь на небосклон взошла...»

*Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадный, день любезный
Как золотой покров она свила,
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир
ушел...*

*И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь, и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастию
темной.*

*На самого себя покинут он —
Упразднен ум, и мысль осиротела
—*

*В душе своей, как в бездне, погру-
жен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь все светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном, ноч-
ном
Он узнает наследье родовое.*

Я купил автограф Тютчева – «Святая ночь на небосклон вошла...» и «Поэзия». Смотрю на пожелтелые листки, исписанные «трудным» почерком, каким-то гиератическим (а вместе и готическим – с острыми готическими верхушками), вещим почерком, – и думаю с волнением, что эти трудно разбираемые буквы нанесла на бумагу властная рука, чертившая заклинания, а не стихи, водимая высшим принуждением страстной мысли, глубоким давлением Вечного, несказуемого, рокового.

...И как слаба была та же рука в жизни – такая «человеческая... слишком человеческая».

Сергей Дурылин. Из книги «В своем углу»

В беседе Тютчев сыпал блесками своего ума, как богач, не боящийся разорения. Владая в совершенстве французским языком, он часто выражался на этом языке, почему очень многие остроумные, часто сатирические, а также глубокомысленные «тютчевяны» потеряны для потомства.

А. П. Плетнев.

Из воспоминаний «Ф. И. Тютчев»

Русской женщине

*Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои молодые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...*

*И жизнь твоя пройдет незрима,
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, —
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...*

1848⁻¹⁸⁴⁹

**«Как дымный столп светлеет в
вышине!..»**

*Как дымный столп светлеет в
вышине! —*

*Как тень внизу скользит неулови-
ма!..*

*«Вот наша жизнь, — промолвила
ты мне, —*

*Не светлый дым, блестящий при
луне,*

А эта тень, бегущая от дыма...»

1848⁻¹⁸⁴⁹

РИМ НОЧЬЮ

*В ночи лазурной почивает Рим.
Взошла луна и овладела им,
И спящий град, безлюдно-велича-
вый,
Наполнила своей безмолвной сла-
вой...
Как сладко дремлет Рим в ее лу-
чах!
Как с ней сроднился Рима вечный
прах!..
Как будто лунный мир и град
почивший
Все тот же мир, волшебный, но
отживший!..*

Не позднее начала 1850

Венеция

*Дождь Венеции свободной
Средь лазоревых зыбей,
Как жених порфирородный,
Достославно, всенародно
Обручался ежегодно
С Адриатикой своей.*

*И недаром в эти воды
Он кольцо свое бросал:
Веки целые, не годы
(Дивовалися народы),
Чудный перстень воеводы
Их вязал и чаровал...*

*И чета в любви и мире
Много славы нажила —
Века три или четыре,
Все могучее и шире,
Разрасталась в целом мире
Тень от львиного крыла.*

А теперь?

*В волнах забвенья
Сколько брошенных колец!..
Миновались поколенья, —*

Эти кольца обрученья,
Эти кольца стали звенья
Тяжкой цепи наконец!..

Не позднее начала 1850

«Кончен пир, умолкли хоры...»

*Кончен пир, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты в кубках вины,
На главах венки измяты, —
Лишь курятся ароматы
В опустевшей светлой зале...
Кончив пир, мы поздно встали
Звезды на небе сияли,
Ночь достигла половины...*

*Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем
С тускло-рдяным освещеньем
И бессонными толпами, —
Как над этим дольным чадом,
В горнем выпрленном пределе
Звезды чистые горели,
Отвечая смертным взглядам
Непорочными лучами...*

Н*е позднее начала 1850*

Поэзия

*Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздо-
ре,
Она с небес слетает к нам —
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре —
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.*

Н*е позднее начала 1850*

«Пошли, Господь, свою отраду...»

*Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жаркой мостовой;*

*Кто смотрит вскользь через
ограду
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.*

*Не для него гостеприимной
Дережья сенью разрослись,
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.*

*Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освежит.*

*Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по знойной мостовой.*

Июль 1850

На Небе

*И опять звезда ныряет
В легкой зыби невских волн,
И опять любовь вверяет
Ей таинственный свой челн.*

*И меж зыбью и звездою
Он скользит как бы во сне,
И два призрака с собою
Вдаль уносит по волне.*

*Дети ль это праздной лени
Тратят здесь досуг ночной?
Иль блаженные две тени
Покидают мир земной?*

*Ты, разлитая как море,
Пышноструйная волна,
Приюти в твоём просторе
Тайну скромного челна!*

Июль 1850
Петербург

Графине Е. П. Ростопчиной

(В ответ на ее письмо)

*Как под сугробом снежным лени,
Как околдованный зимой,
Каким-то сном усопшей тени
Я спал, зарытый, но живой!*

*И вот, я чую, надо мною,
Не наяву и не во сне,
Как бы повеяло весной,
Как бы запело о весне...*

*Знакомый голос... голос чудный...
То лирный звук, то женский
вздых...
Но я, ленивец беспробудный,
Я вдруг откликнуться не мог...*

*Я спал в оковах тяжелой лени,
Под осьмимесячной зимой,
Как дремлют праведные тени
Во мгле стигийской роковой.*

*Но этот сон полумогильный,
Как надо мной ни тяготел,
Он сам же, чародей всеильный,*

Ко мне на помощь подоспел.

*Приязни давней выраженья
Их для меня он уловил —
И в музыкальные виденья
Знакомый голос воплотил...*

*Вот вижу я, как бы сквозь дымки,
Волшебный сад, волшебный дом
И в замке феи-Нелюдимки
Вдруг очутились мы вдвоем!..*

*Вдвоем! – и песнь ее звучала,
И от заветного крыльца
Гнала и буйного нахала,
Гнала и пошлого льстеца.*

1⁸⁵⁰ С.-Петербург

«Не рассуждай, не хлопочи!...»

*Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.*

*Живя, умей все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит – и слава Богу!*

Июль 1850

Два голоса

1

*Мужайтесь, о други, боритесь
прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безна-
дежна!
Над вами светила молчат в вы-
шине,
Под вами могилы – молчат и оне.*

*Пусть в горнем Олимпе блажен-
ствуют боги:*

Бессмертье их чуждо труда и
тревоги;
Тревога и труд лишь для смерт-
ных сердец...
Для них нет победы, для них есть
конец.

2

Мужайтесь, боритесь, о храбрые
друзи,
Как бой ни жесток, ни упорна
борьба!
Над вами безмолвные звездные
круги,
Под вами немые, глухие гроба.

Пускай олимпийцы завистливым
оком
Глядят на борьбу непреклонных
сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный
лишь

Роком,
Тот вырвал из рук их победный ве-
нец.

О, как убийственно мы любим!

Стихотворения Федора Тютчева, отражающие историю его отношений с Еленой Денисьевой, – первая в русской поэзии истинно гениальная книга о свойствах страсти, о любви, которая убивает и больше похожа на поединок роковой, чем на гармонический дуэт двух очарованных сердец. Именно поэтому, формально нарушая принятый в сборнике хронологический принцип, мы и публикуем их заподряд, единым циклом.

«Как ни дышит полдень знойный...»

*Как ни дышит полдень знойный
[21]*

*В растворенное окно,
В этой храмине спокойной,
Где все тихо и темно,*

*Где живые благовонья
Бродят в сумрачной тени,
В сладкий сумрак полусонья
Погрузись и отдохни.*

*Здесь фонтан неутомимый
День и ночь поет в углу
И кропит росой незримой
Очарованную мглу.*

*И в мерцанье полусвета,
Тайной страстью занята,
Здесь влюбленного поэта
Веет легкая мечта.*

Июль 1850

Е. А. Денисьева. Акварель Иванова. Петербург, <1851>

Федор Иванович познакомился с Еленой Денисьевой, племянницей классной дамы Смольного института для благородных девиц, в знойном июле 1850 года. Елена была красива,

смела, хотя, по тогдашним представлениям, не очень-то и молода: к моменту встречи с сорокасемилетним поэтом ей исполнилось двадцать пять. Свидания происходили в специально нанятой для этого квартире и были столь частыми, что любовников выследил инспектор Смольного. Разразился скандал. Тетке пришлось уйти на пенсию, подруги и поклонники разбежались... На этом, может быть, и завершился бы роман, но возлюбленная поэта оказалась беременной и в мае 1851 г. родила дочь. Девочке долго не могли выбрать имя, в стихах на ее рождение Тютчев называет новорожденную «безымянным херувимом»; наконец, разглядев в дитяти поразительное сходство с матерью, нарекли ее же именем: Елена (по-домашнему, как и мать, – Леля, только маленькая).

«О, как убийственно мы любим...»

*О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!*

*Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел – спроси и сведай,
Что уцелело от нея?*

*Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горючей влагою своей.*

*Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор, и речи,
И смех младенчески-живой?*

*И что ж теперь? И где все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!*

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страда-
нья!

В ее душевной глубине
Ей оставались воспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втопта-
ла
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

Первая половина 1851

В минуты душевной нежности Тютчев, следуя стародавней романтической традиции, называл возлюбленную ангелом, но ангелом со страстной, женской душой. Елена Александровна, видимо, и впрямь была женщиной темпераментной, рожденной для страсти – всепоглощающей, бурной, с истериками, скандалами, с ненавистью, направленной на законную жену... Такая любовь много дает, но и от партнера многого требует. От требовательной и экзальтированной привязанности Лели Тютчев с годами, видимо, стал уставать, к тому же его мучила вина перед женой и старшими детьми. В одном из стихотворений 1859-х гг., обращенном к Эрнестине Федоровне, поэт назвал свою связь с Денисьевой «духовным обмороком». Но это не выражает всей сложности ни ситуации, ни чувств, которые связывают этих двух столь разных людей.

«Не раз ты слышала признанье...»

*Не раз ты слышала признанье:[22]
«Не стою я любви твоей».
Пускай мое она созданье —
Но как я беден перед ней...*

*Перед любовью твоею
Мне больно вспомнить о себе —
Стою, молчу, благоговейно
И поклоняюсь тебе...*

*Когда, порой, так умиленно,
С такою верой и мольбой
Невольно клонишь ты колени
Пред колыбелью дорогой,*

*Где спит она – твое рожденье —
Твой безымянный херувим, —
Пойми ж и ты мое смирение
Пред сердцем любящим твоим.*

«День вечереет, ночь близка...»

*День вечереет, ночь близка,
Длинней с горы ложится тень,
На небе гаснут облака...
Уж поздно. Вечереет день.*

*Но мне не страшен мрак ночной,
Не жаль скудеющего дня, —
Лишь ты, волшебный призрак
мой,
Лишь ты не покидай меня!..*

*Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.*

*Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может
быть, —
Но с страстной женскою душой.*

1 ноября 1851

Предопределение

*Любовь, любовь – гласит преданье
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...*

*И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет наконец...*

1851 – начало 1852

**«Не говори: меня он, как и прежде,
любит...»**

*Не говори: меня он, как и прежде,
любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловеч-
но губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дро-
жит.*

*То в гневе, то в слезах, тоскуя,
негодую,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им од-
ним живу я —
Но эта жизнь!.. О, как горька она!*

*Он мерит воздух мне так береж-
но и скудно...
Не меряют так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и
трудно,
Могу дышать, но жить уж не мо-
гу.*

**«О, не тревожь меня укорой
справедливой!...»**

*О, не тревожь меня укорой спра-
ведливой!*

*Поверь, из нас из двух завидней
часть твоя:*

*Ты любишь искренно и пламенно,
а я —*

*Я на тебя гляжу с досадою ревни-
вой.*

*И, жалкий чародей, перед волшеб-
ным миром,*

*Мной созданным самим, без веры
я стою —*

*И самого себя, краснея, сознаю
Живой души твоей безжизненным
кумиром.*

1851 — начало 1852

«Чему молилась ты с любовью...»

*Чему молилась ты с любовью,
Что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.*

*Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.*

*Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!*

1851 – начало 1852

«Сияет солнце, воды блещут...»

*Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем.
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.*

*Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.*

*Но и в избытке упоенья[23]
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...*

28 июля 1852
Петербург

Последняя любовь[24]

*О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!*

*Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сия-
нье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.*

*Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет неж-
ность...
О ты, последняя любовь!
Тын блаженство и безнадеж-
ность.*

Н*е ранее второй половины 1852(?) не позднее
1854*

«Пламя рдеет, пламя пышет...»

*Пламя рдеет, пламя пышет[25],
Искры брызжут и летят,
А на них прохладой дышит
Из-за речки темный сад.
Сумрак тут, там жар и крики,
Я брожу как бы во сне, —
Лишь одно я живо чую:
Ты со мной и вся во мне.*

*Треск за треском, дым за дымом,
Трубы голые торчат,
А в покое нерушимом
Листья веют и шуршат.
Я, дыханьем их обвеян,
Страстный говор твой ловлю...
Слава Богу, я с тобой,
А с тобой мне – как в раю.*

10 июля 1855
Петербург

Е. А. Денисьева. Фотография. Начало 1860-х годов.

Ослепленная безрассудной любовью, истерзанная не рассуждающей ревностью, Елена

Александровна вообразила, будто Федор Иванович обожает рожденных детей, и чем больше их будет, тем больше у нее прав считать себя законной, богоданной супругой... Денисье-

вой перевалило за тридцать пять, когда она родила второго ребенка. На этот раз мальчика, которого окрестили по отцу: Федором.

В год рождения Федора Тютчева-младшего Федор Тютчев-старший написал всего два стихотворения. Одно дежурно-официальное: на смерть императрицы Александры Федоровны, вдовы Николая Первого, второе пронзительно-личное: «Хоть я и свил гнездо в долине...». Формально это высокогорный альпийский пейзаж, а по сути – крик крылатой души, которой, словно окольцованной, но вольной птице, тесно в душно-земном, домашнем «гнезде»!

«Хоть я и свил гнездо в долине...»

*Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,
Как животворно на вершине
Дрожит воздушная струя, —
Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как все удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть!*

*На недоступные громады
Смотрю по целым я часам, —
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам!
Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега:
По ним проходит незаметно
Небесных ангелов нога...*

Октябрь 1860
Женева

«Когда на то нет Божьего согласья...»

*Когда на то нет Божьего согла-
сья,
Как ни страдай она, любя, —
Душа, увы, не выстрадает сча-
стья,
Но может выстрадать себя...*

*Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!*

*Он милосердый, всемогущий,
Он, греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цвету-
щий,
И чистый перл на дне морском.*

12 января 1864
Ницца

«О, этот Юг, о, эта Ницца!...»

*О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет – и не может...
Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...*

21 ноября 1864
Ницца

«Весь день она лежала в забытьи...»

*Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь – его
струи
По листьям весело звучали.*

*И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала – увлечена,
Погружена в сознательную ду-*

му...

*И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но жи-
вой):*

«О, как все это я любила!»

*Любила ты, и так, как ты, лю-
бить —*

*Нет, никому еще не удавалось!
О Господи!., и это пережить...
И сердце на клочки не разорва-
лось...*

Октябрь – декабрь (до 13) 1864.

Ницца

Овстуг. Усадьба. Рисунок Драницына, 1849 г.

**«Есть и в моем страдальческом
застое...»**

*Есть и в моем страдальческом
застое
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнет, их бремя роко-
вое
Не выскажет, не выдержит мой
стих.*

*Вдруг все замрет. Слезам и уми-
ленью
Нет доступа, все пусто и темно,
Минувшее не веет легкой тенью,
А под землей, как труп, лежит
оно.*

*Ах, и над ним в действительности
ясной,
Но без любви, без солнечных лу-
чей,
Такой же мир бездушный и бес-
страстный,
Не знающий, не помнящий о ней.*

*И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу —
Разбитый челн, заброшенный вол-
ною,
На безымянном диком берегу.*

*О Господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рас-
сей:
Ты взял ее, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней, —*

По ней, по ней, свой подвиг совер-

шившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любив-
шей
Наперекор и людям и судьбе, —

По ней, по ней, судьбы не одолев-
шей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умев-
шей
Страдать, молиться, верить и
любить.

Конец марта (после 26-го) 1865
Петербург

Ф. И. Тютчев. Фотография. 1850-е годы.

**«Сегодня, друг, пятнадцать лет
минуло...»**

*Сегодня, друг, пятнадцать лет
минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.*

*И вот уж год, без жалоб, без упре-
ку,
Утратив все, приветствую судь-
бу...
Быть до конца так страшно оди-
ноку,
Как буду одинок в своем гробу.*

15 июля 1865
Петербург

Накануне годовщины 4 августа 1864 г.[26]

*Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?*

*Все темней, темнее над землею
—
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с то-
бою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?*

*Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?*

З августа 1865

По дороге из Москвы в Овстуг

Автограф стихотворения «В разлуке есть
высокое значенье...»

60 Je fais ça mes lettres j'ai les plus précieuses lettres de moi-même.
Elles te rappellent mes souffrances, ma peur à ces vilains camarades d'émigrés
Touche de main fraîche, les lettres, elles t'ont en l'air, j'ai joué la que pour
annoncer la mort de Staline dans le magazine du transport au peuple
"Vestnik de l'industrie". C'est là ce qui m'a servi jusqu'à présent
après au peuple, pour l'annoncer qu'il se débattait dans les bras de la mort
difficile, de moi-même qu'elle est la plus grande de la terre. Après
le succès de mes mes peu d'années que j'espère, c'est à moi-même
j'ai de l'indifférence toute ma vie. Au premier me quitte
à l'instant, après avoir été cette partie

Мое письмо к вам было жареное -

Киево ну Москва - тоже жел. дорога, тоже там....

Москва была там - в конце, а вы не могли бы...

Но парад, только не забудьте -

А только только только только...

Voilà, voilà cette chose, la mauvaise, mais qu'elle est une chose
pauvre... Voilà, comme ça, c'est la même chose, mais
à la recherche de la "meilleure". J'ai fait toutes ces choses
by début de cette chose, je te fais voir, j'ai de l'air, c'est
la mauvaise chose, je te fais voir, j'ai de l'air, c'est
de la mauvaise chose, je te fais voir, j'ai de l'air, c'est
Coopération - mais elle est la même chose, mais elle est
tout à l'heure de l'air...

«В разлуке есть высокое значение...»

*В разлуке есть высокое значение
[27]:*

*Как ни люби, хоть день один, хоть
век,*

*Любовь есть сон, а сон – одно
мгновенье,*

*И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться че-
ловек...*

6 августа 1851 Петербург

*...Я убежден, что ты до конца меня
знаешь, и воспринимаю твою любовь
как Божий дар... Пусть я делал глупо-
сти, поступки мои были противоречи-
вы, непоследовательны. Истинным во
мне является только мое чувство к
тебе.*

*Ф. И. Тютчев – Эрнестине Тютчевой.
17 декабря 1852 года*

«Не знаю я, коснется ль благодать...»

*Не знаю я, коснется ль благодать
[28]*

*Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и вос-
стать,
Пройдет ли обморок духовный?*

*Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была —
Ты, ты, мое земное провиденье!..*

12 апреля 1851

Лето 1854[29]

*Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство —
И как, прошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего?..*

*Гляжу тревожными глазами
На этот блеск, на этот свет...
Не издеваются ль над нами?
Откуда нам такой привет?..*

*Увы, не так ли молодая
Улыбка женских уст и глаз,
Не восхищая, не прельщая,
Под старость лишь смущает нас.*

Около 11 августа 1854 Петербург
Овстуг. Усадьба. Акварель О. А. Петерсо-
на, <1861>

«Увы, что нашего незнания...»

*Увы, что нашего незнания[30]
И беспомощней и грустней?
Кто смеет молвить: до свиданья
Через бездну двух или трех дней?*

11 сентября 1854
Петербург

«Все, что сберець мне удалось...»

*Все, что сберець мне удалось[31],
Надежды, веры и любви,
В одну молитву все слилось:
Переживи, переживи!*

8 апреля 1857
Петербург

Титульный лист первого издания стихотворений Тютчева.

«В часы, когда бывает...»

*В часы, когда бывает[32]
Так тяжело на груди,
И сердце изнывает,
И тьма лишь впереди;*

*Без сил и без движенья,
Мы так удручены,
Что даже утешенья
Друзей нам не смешны, —*

Вдруг солнца луч приветный

СТИХОТВОРЕНІЯ

Θ. ТЮТЧЕВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

=

1854

*Войдет украдкой к нам
И брызнет огнецветной
Струею по стенам;*

*И с тверди благосклонной
С лазуревых высот
Вдруг воздух благовонный
В окно на нас пахнет...*

*Уроков и советов
Они нам не несут,
И от судьбы наветов
Они нас не спасут.*

*Но силу их мы чуем,
Их слышим благодать,
И меньше мы тоскуем,
И легче нам дышать...*

*Так мило-благодатна,
Воздушна и светла,
Душе моей стократно
Любовь твоя была.*

Н*е позднее апреля 1858
Эрн. Ф. Тютчева. Петербург, 1868 г.*

«Все отнял у меня казнящий Бог...»

Все отнял у меня казнящий Бог:

Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог.

Февраль 1873
Петербург

«Она сидела на полу...»

Она сидела на полу
И грудю писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.
Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...
О, сколько жизни было тут,
Невозвратно пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..
Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, —
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

Не позднее апреля 1858

Дни настают борьбы и торжества

Тютчев. Фотография С. Л. Левицкого. Петербург, 1867 г.

«Под дыханьем непогоды...»

*Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом —
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом.*

*Сылет искры золотые,
Сеет розы огневые
И уносит их поток.
Над волной темно-лазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок...*

12 августа 1850

«Обвеян вещею дремотой...»

*Обвеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит...
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветви шелестит.*

*Гляжу с участием умиленным,
Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнурен-
ным,
Молниевидный брызнет луч.*

*Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немошно и хило,
В последний улыбнется раз!..*

15 сентября 1850

«Смотри, как на речном просторе...»

*Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслед плывет.*

*На солнце ль радужно блистая,
Иль ночью в поздней темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мете.*

*Все вместе – малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все – безразличны, как стихия, —
Сольются с бездной роковой!..*

*О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?*

Н*е позднее весны 1851*

Первый лист

*Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьям молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачную, как дым...*

*Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым, —
И вот живые эти грезы,
Под первым небом голубым,
Пробились вдруг на свет днев-
ной...*

*О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа.*

М^{ай} 1851

«Как весел грохот летних бурь...»

*Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набежит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..*

*Как под незримою пятой,
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаюсь меж собой, —
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...*

Наш век

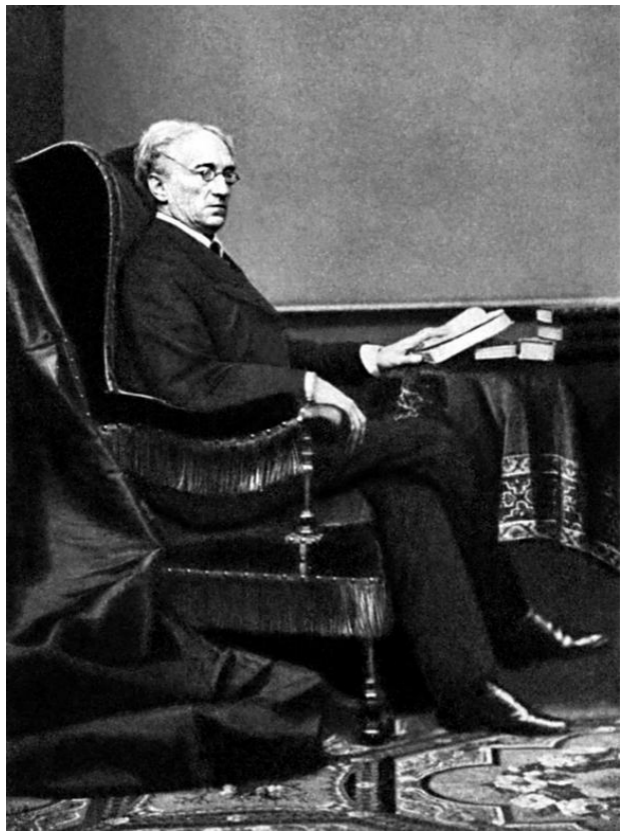
*Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.*

*Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры – но о ней не просит...*

*Не скажет век, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! – Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»*

10 июля 1851
Москва

Ф. И. Тютчев. Фотография Робильяра.

1862 г.

Волна и дума

*Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном
ли море,
Здесь – в заключении, там – на
просторе, —
Тот же все вечный прибой и от-
бой,
Тот же все призрак тревожно-пу-
стой.*

14 июля 1851
Москва

«Не остывшая от зною...»

*Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала...
И над тусклою землю
Небо, полное грозою,
Все в зарницах трепетало...*

*Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорались порою...*

14 июля 1851
По дороге из Москвы в Петербург

Из Гёте

Kennst du das Land?.[33]

*Ты знаешь край, где мирт и лавр
растет,
Глубок и чист лазурный неба свод,
Цветет лимон, и апельсин зла-
той
Как жар горит под зеленью гу-
стой?..*

*Ты был ли там? Туда, туда с
тобой*

*Хотела б я укрыться, милый
мой.*

*Ты знаешь высь с стезей по крути-
знам?*

*Лошак бредет в тумане по сне-
гам,*

*В ущельях гор отродье змей жи-
вет,*

Гремит обвал и водопад ревет...

*Ты был ли там? Туда, туда с
тобой*

*Лежит наш путь – уйдем,
властитель мой.*

Ты знаешь дом на мраморных
столпах?

Сияет зал и купол весь в лучах;
Глядят кумиры, молча и грустя:
«Что, что с тобою, бедное ди-
тя?..»

Ты был ли там? Туда, туда с
тобой

Уйдем скорей, уйдем, роди-
тель мой.

Не позднее 27 октября 1851

«Я очи знал, – о, эти очи!...»

Я очи знал, – о, эти очи!
Как я любил их, – знает Бог!
От их волшебной, страстной но-
чи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденье, утомленный

И, как страданье, роковой.

*И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волне-
нья
И любоваться им без слез.*

Н*е позднее начала 1852*

Близнецы

*Есть близнецы – для земнородных
Два божества, – то Смерть и Сон,
Как брат с сестрою дивно сход-
ных —
Она угрюмей, кротче он...*

*Но есть других два близнеца —
И в мире нет четы прекрасней,
И обаянья нет ужасней,
Ей предающего сердца...*

*Союз их кровный, не случайный,
И только в роковые дни
Своей неразрешимой тайной
Обворожают нас они.*

И кто в избытке ощущений,

*Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений —
Самоубийство и Любовь!*

Н*е позднее начала 1852*

«...»

Mobile comme l'onde[34]

*Ты, волна моя морская,
Своенравная волна,
Как, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна!*

*Ты на солнце ли смеешься,
Отражая неба свод,
Иль мятешься ты и бьешься
В одичалой бездне вод, —*

*Сладок мне твой тихий шепот,
Полный ласки и любви;
Внятен мне и буйный ропот,
Стоны вещице твои.*

*Будь же ты в стихии бурной
То угрюма, то светла,
Но в ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.*

*Не кольцо, как дар заветный,
В зыбь твою я опустил,
И не камень самоцветный
Я в тебе похоронил.*

*Нет – в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоём.*

Апрель 1852

Памяти В. А. Жуковского

1

*Я видел вечер твой. Он был пре-
красен!
В последний раз прощался с то-
бой,
Я любовался им: и тих, и ясен,
И весь насквозь проникнут тепло-
той...
О, как они и грели и сияли —
Твои, поэт, прощальные лучи...
А между тем заметно выступа-
ли
Уж звезды первые в его ночи...*

2

В нем не было ни лжи, ни раздвоенья —

*Он все в себе мирил и совмещал.
С каким радушием благоволенья
Он были мне Омировы читал...
Цветущие и радужные были
Младенческих первоначальных
лет...*

*А звезды между тем на них сводили
Таинственный и сумрачный свой
свет...*

3

*Поистине, как голубь, чист и цел
Он духом был; хоть мудрости
змишной
Не презирал, понять ее умел,
Но веял в нем дух чисто голуби-
ный.
И эту духовной чистотою
Он возмужал, окреп и просветлел.
Душа его возвысилась до строю:
Он стройно жил, он стройно
пел...*

4

И этот-то души высокий строй,

Создавший жизнь его, проникший
лиру,
Как лучший плод, как лучший по-
дви́г свой,
Он завещал взволнованному ми-
ру...
Поймет ли мир, оценит ли его?
Достойны ль мы священного зало-
га?
Иль не про нас сказало божество:
«Лишь сердцем чистые, те узрят
Бога!»

Июнь (после 24-го) 1852
По дороге из Орла в Москву

«Чародейкою Зимою...»

*Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.*

*И стоит он, околдован, —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...*

*Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.*

31 декабря 1852
Овстуг

«Так, в жизни есть мгновения...»

*Так, в жизни есть мгновения —
Их трудно передать,
Они самозабвения
Земного благодать.
Шумят верхи древесные
Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
Беседуют со мной.
Все пошлое и ложное
Ушло так далеко,
Все мило-невозможное
Так близко и легко.
И любо мне, и сладко мне,
И мир в моей груди,
Дремотою обвеян я —
О время, погоди!*

Июль(?) 1855

Спиритистическое предсказание

*Дни настанут борьбы и торже-
ства,
Достигнет Русь завещанных гра-
ниц,
И будет старая Москва
Новейшею из трех ее столиц.*

Осень – весна 1853–1854 г.

Овстуг. Новая церковь. У церковной стены – могила отца Тютчева. Рисунок О. А. Петерсона, 1852 г. Внизу рукой Н. И. Тютчева: «Могила Ив. Ник. Тютчева, отца поэта». Ниже рукой неустановленного лица: «Новая церковь в Овстуге».

Skizze d. Hrn. Jörnke, ohne Namen
Koblenz, Neupark & Obengasse

1897

«Вот от моря и до моря...»

*Вот от моря и до моря
Нить железная скользит,
Много славы, много горя
Эта нить порой гласит.*

*И, за ней следя глазами,
Путник видит, как порой
Птицы вещи садятся
Вдоль по нити вестовой.*

*Вот с поляны ворон черный
Прилетел и сел на ней,
Сел и каркнул, и крылами
Замахал он веселей.*

*И кричит он, и ликует,
И кружится все над ней:
Уж не кровь ли ворон чует
Севастопольских вестей?*

13 августа 1855
Рославль

«О вещая душа моя!...»

*О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..*

*Так, ты – жилища двух миров,
Твой день – болезненный и
страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов...*

*Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.*

**«Молчи, прошу, не смей меня
будить...»**

(Из Микеланджело)

Молчи, прошу, не смей меня будить.

О, в этот век преступный и постыдный

Не жить, не чувствовать – удел завидный...

Отрадно спать, отрадней камнем быть.

«Не Богу ты служил и не России...»

*Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые,*

—
*Все было ложь в тебе, все при-
зраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей[35].*

1⁸⁵⁵

1856

*Стоим мы слепо пред Судьбою.
Не нам сорвать с нее покров...
Я не свое тебе открою,
А бред пророческий духов...*

*Еще нам далеко до цели,
Гроза ревет, гроза растет, —
И вот – в железной колыбели,
В громах родился Новый год...*

*Черты его ужасно строги,
Кровь на руках и на челе...
Но не одни войны тревоги
Принес он людям на земле.*

*Не просто будет он воитель,
Но исполнитель Божьих кар, —
Он совершит, как поздний мсти-
тель,
Давно задуманный удар...*

*Для битв он послан и расправы,
С собой принес он два меча:
Один – сражений меч кровавый,
Другой – секиру палача.*

*Но для кого?.. Одна ли выя,
Народ ли целый обречен?..
Слова неясны роковые,
И смутен замогильный сон...*

31 декабря 1855
Петербург

«Над этой темною толпой...»

*Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..*

*Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,*

*Раствленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет,*

*—
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...*

15 августа 1857
Овстуг

«Есть в осени первоначальной...»

*Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрусталь-
ный,
И лучезарны вечера...*

*Где бодрый серп гулял и падал ко-
лос,
Теперь уж пусто все – простор
езде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.*

*Пустеет воздух, птиц не слышно
боле,
Но далеко еще до первых зимних
бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...*

22 августа 1857
По дороге из Овстуга в Москву

«Смотри, как роща зеленеет...»

*Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней какую негой веет
От каждой ветки и листа!*

*Войдем и сядем над корнями
Дерев, поимых родником, —
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.*

*Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...*

Конец августа 1857
По дороге из Овстуга в Москву

«Когда осьмнадцать лет твои...»

*Когда осьмнадцать лет твои[36]
И для тебя уж будут сновиде-
нием, —
С любовью, с тихим умилением
И их и нас ты помяни...*

23 февраля 1858

Успокоение (Из Ленау)

*Когда, что звали мы своим,
Навек от нас ушло
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело, —*

*Пойдем и бросим беглый взгляд
Туда, по склону вод,
Куда стремглав струи спешат,
Куда поток несет.*

*Одна другой наперерыв
Спешат, бегут струи
На чей-то роковой призыв,
Им слышимый вдали...*

За ними тщетно мы следим —
Им не вернуться вспять...
Но чем мы долее глядим,
Тем легче нам дышать...

И слезы брызнули из глаз —
И видим мы сквозь слез,
Как все, волнуясь и клубясь,
Быстрее понеслось...

Душа впадает в забытье,
И чувствует она,
Что вот уносит и ее
Всесильная волна.

15 августа 1855
Петербург

«Осенней позднею порою...»

*Осенней позднею порою
Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою
Как бы дремотою объят,
И белокрылые виденья,
На тусклом озера стекле,
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...*

*И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров —
И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой...*

22 октября 1855
Царское село

На возвратном пути

I

*Грустный вид и грустный час —
Дальний путь торопит нас...
Вот, как призрак гробовой,
Месяц встал – и из тумана
Осветил безлюдный край...
Путь далек – не унывай...*

*Ах, и в этот самый час,
Там, где нет теперь уж нас,
Тот же месяц, но живой,
Дышит в зеркале Лемана...
Чудный вид и чудный край —
Путь далек – не вспоминай...*

II

*Родной ландшафт... Под дымча-
тым навесом
Огромной тучи снеговой
Синеет даль – с ее угрюмым ле-
сом,
Окутанным осенней мглой...
Все голо так – и пусто-необъятно
В однообразии немом...
Местами лишь просвечивают*

пятна

Стоячих вод, покрытых пер-
вым льдом.

Ни звуков здесь, ни красок, ни дви-
женья —

Жизнь отошла – и, покорясь
судьбе,
В каком-то забытии изнеможе-
нья,

Здесь человек лишь снится
сам себе.

Как свет дневной, его тускнеют
взоры,

Не верит он, хоть видел их
вчера,
Что есть края, где радужные го-
ры

В лазурные глядятся озера...

Конец октября 1859

По дороге из Кенигсберга в Петербург

«Есть много мелких, безымянных...»

*Есть много мелких, безымянных
Созвездий в горней вышине,
Для наших слабых глаз, туман-
ных,
Недосягаемы оне...*

*И как они бы ни светили,
Не нам о блеске их судить,
Лишь телескопа дивной силе
Они доступны, может быть.*

*Но есть созвездия иные,
От них иные и лучи:
Как солнца пламенно-живые,
Они сияют нам в ночи.*

*Их бодрый, радующий души,
Свет путеводный, свет благой
Везде, и в море и на суше,
Везде мы видим пред собой.*

*Для мира дольного отрада,
Они – краса небес родных,
Для этих звезд очков не надо,
И близорукий видит их...*

Е. Н. Анненковой [37]

*И в нашей жизни повседневной
Бывают радужные сны,
В край незнакомый, в мир волшеб-
ный,
И чуждый нам и задушевный,
Мы ими вдруг увлечены.*

*Мы видим: с голубого свода
Нездешним светом веет нам,
Другую видим мы природу,
И без заката, без восходу
Другое солнце светит там...*

*Все лучше там, светлее, шире,
Так от земного далеко...
Так разнo с тем, что в нашем ми-
ре, —
И в чистом пламенном эфире
Душе так родственно-легко.*

*Проснулись мы, – конец виденью,
Его ничем не удержатъ,
И тусклой, неподвижной тенью,
Вновь обреченных заключенью,*

Жизнь обхватила нас опять.

*Но долго звук неуловимый
Звучит над нами в вышине,
И пред душой, тоской томимой,
Все тот же взор неотразимый,
Все та ж улыбка, что во сне.*

1⁸⁵⁹

Декабрьское утро

*На небо месяц – и ночная
Еще не тронулася тень,
Царит себе, не сознавая,
Что вот уж встрепенулся день, —*

*Что хоть лениво и несмело
Луч возникает за лучом,
А небо так еще всецело
Ночным сияет торжеством.*

*Но не пройдет двух-трех мгнове-
ний,
Ночь испарится над землей,
И в полном блеске проявлений
Вдруг нас охватит мир дневной...*

Декабрь 1859
Петербург

«Куда сомнителен мне твой...»

*Куда сомнителен мне твой,
Святая Русь, прогресс житейский!
Была крестьянской ты избой —
Теперь ты сделалась лакейской.*

1859^{-1860(?)}

**На юбилей князя Петра
Андреевича Вяземского**

*У Музы есть различные пристра-
стъя,
Дары ее даются не равно;
Стократ она божественнее сча-
стъя,
Но своенравна, как оно.*

*Иных она лишь на заре лелеет,
Целует шелк их кудрей молодых,
Но ветерок чуть жарче лишь по-
вееет —
И с первым сном она бежит от
них.*

Тем у ручья, на луговине тайной,
Нежданная, является порой,
Порадует улыбкою случайной,
Но после первой встречи нет вто-
рой!

Не то от ней присуждено вам бы-
ло:
Вас юношей настигнув в добрый
час,
Она в душе вас крепко полюбила
И долго всматривалась в вас.

Досужая, она не мимоходом
Пеклась о вас, ласкала, берегла,
Растила ваш талант, и с каж-
дым годом
Любовь ее нежнее все была.

И как с годами крепнет, пламе-
ня,
Сок благородный виноградных
лоз, —
И в кубок ваш все жарче и светлее
Так вдохновение лилось.

И никогда таким вином, как ны-
не,

Ваш славный кубок венчан не был.
вал.

Давайте ж, князь, подыдем в
честь богине
Ваш полный, пенистый фиал!

Богине в честь, хранящей благо-
родно
Залог всего, что свято для души,
Родную речь... расти она свободно
И подвиг свой великий доверши!

Потом мы все, в молитвенном
молчанье
Священные поминки сотворим,
Мы сотворим тройное возлиянье
Трем незабвенно-дорогим.

Нет отклика на голос, их зову-
щий,
Но в светлый праздник ваших
именин
Кому ж они не близки, не присущи
—
Жуковский, Пушкин, Карамзин!..

Так верим мы, незримыми гостя-
ми

*Теперь они, покинув горный мир,
Сочувственно витают между на-
ми
И освящают этот пир.*

*За ними, князь, во имя Музы ва-
шей,
Подносим вам заздравное вино,
И долго-долго в этой светлой ча-
ше
Пускай кипит и искрится оно!..*

Около 25 февраля 1861

Александр Второву[38]

*Ты взял свой день... Замеченный
от века
Великою господней благодатью —
Он рабский образ сдвинул с чело-
века
И возвратил семье меньшую бра-
тью...*

25 марта 1861

«Я знал ее еще тогда...»

*Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...*

*И все еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...*

*Вся жизнь ее тогда была
Так совершенна, так цела,
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда.*

27 марта 1861
Петербург

П. А. Вяземский. Фотография.

Князю П. А. Вяземскому

*Теперь не то, что за полгода,
Теперь не тесный круг друзей —
Сама великая природа
Ваш торжествует юбилей...*

*Смотрите, на каком просторе
Она устроила свой пир —
Весь этот берег, это море,
Весь этот чудный летний мир...*

*Смотрите, как, облитый светом,
Ступив на крайнюю ступень,
С своим прощается поэтом
Великолепный этот день...*

*Фонтаны плещут тиховейно,
Прохладой сонной дышит сад —
И так над вами юбилейно
Петровы липы здесь шумят...*

12 июня 1861
Петергоф

При посылке Нового Завета[39]

*Не легкий жребий, не отрадный,
Был вынут для тебя судьбой,
И рано с жизнью беспощадной
Вступила ты в неравный бой.*

*Ты билась с мужеством немно-
гих,
И в этом роковом бою
Из испытаний самых строгих
Всю душу вынесла свою.*

*Нет, жизнь тебя не победила,
И ты в отчаянной борьбе
Ни разу, друг, не изменила
Ни правде сердца, ни себе.*

*Но скудны все земные силы:
Расswireпееет жизни зло —
И нам, как на краю могилы,
Вдруг станет страшно тяжело.*

*Вот в эти-то часы с любовью
О книге сей ты вспомяни —
И всей душой, как к изголовью,
К ней припади и отдохни.*

Не позднее сентября 1861

«Играй, покуда над тобою...»

*Играй, покуда над тобою
Еще безоблачна лазурь;
Играй с людьми, играй с судьбою,
Ты – жизнь, назначенная к бою,
Ты – сердце, жаждущее бурь.*

*Как часто, грустными мечтами
Томимый, на тебя гляжу,
И взор туманится слезами...
Зачем? Что общего меж нами?
Ты жить идешь – я ухожу.*

*Я слышал утренние грезы
Лишь пробудившегося дня...
Но поздние, живые грозы,
Но взрыв страстей, но страсти
слезы, —
Нет, это все не для меня!*

*Но, может быть, под зноем лета
Ты вспомнишь о своей весне...
О, вспомни и про время это,
Как о забытом до рассвета
Нам смутно грезившемся сне.*

25 июля 1861
Петербург

А. А. Фету[40]

*Тебе сердечный мой поклон
И мой, каков ни есть, портрет,
И пусть, сочувственный поэт,
Тебе хоть молча скажет он,
Как дорог был мне твой привет,
Как им в душе я умилен.*

14 апреля 1862
С.-Петербург

«Иным достался от природы...»

*Иным достался от природы[41]
Инстинкт пророчески-слепой —
Они им чуют, слышат воды
И в темной глубине земной...*

*Великой Матерью любимый,
Стократ завидней твой удел —
Не раз под оболочкой зримой
Ты самое ее узрел...*

14 апреля 1862

«Как летней иногда порою...»

*Как летней иногда порою
Вдруг птичка в комнату влетит,
И жизнь и свет внесет с собою,
Все огласит и озарит;*

*Весь мир, цветущий мир природы,
В наш угол вносит за собой —
Зеленый лес, живые воды
И отблеск неба голубой, —*

*Так мимолетной и воздушной
Явилась гостьей к нам она,
В наш мир и чопорный и душный,
И пробудила всех от сна.*

*Ее присутствием согрета,
Жизнь встрепенулася живею,
И даже питерское лето
Чуть не оттаяло при ней.*

*При ней и старость молодеда
И опыт стал учеником,
Она вертела, как хотела,
Дипломатическим клубком[42].*

*И самый дом наш будто ожил,
Ее жилищею избрав,
И нас уж менее тревожил
Неугомонный телеграф.*

*Но кратки все очарованья,
Им не дано у нас гостить,
И вот сошлись мы для прощанья,*

—
Но долго, долго не забыть

*Нежданно милых впечатлений,
Те ямки розовых ланит,
Ту негу стройную движений
И стан, оправленный в магнит,*

*Радужный смех и звучный голос,
Полулукавый свет очей,
И этот длинный тонкий волос,
Едва доступный пальцам фей.*

1863^(?)

«Как хорошо ты, о море ночное...»

*Как хорошо ты, о море ночное, —
Здесь лучезарно, там сизо-темно...*

*В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...*

На бесконечном, на вольном просторе

Блеск и движение, грохот и гром...

*Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдье ночном!*

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,

Чей это праздник так празднуешь ты?

*Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.*

*В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою*

*—
О, как охотно бы в их обаянье*

Всю потопил бы я душу свою...

2 – до 11 января 1864
Ницца

Все гуще мрак, все пуще горе

Тютчев. Фотография Г. И. Денъера. Петербург, <1867>

«Утихла биза... Легче дышит...»

*Утихла биза... Легче дышит
Лазурный сонм женевских вод —
И лодка вновь по ним плывет,
И снова лебедь их колышет.*

*Весь день, как летом, солнце гре-
ет,
Деревья блещут пестротой,
И воздух ласковой волной
Их пышность ветхую лелеет.*

*А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,
Сияет Белая гора,
Как откровенье неземное.*

*Здесь сердце так бы все забыло,
Забыло б муку всю свою,
Когда бы там – в родном краю —*

Одной могилой меньше было...

11 октября 1864
Женева

«Как неразгаданная тайна...»

*Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышит в ней —
Мы смотрим с трепетом тре-
вожным
На тихий свет ее очей.*

*Земное ль в ней очарованье,
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать...*

3 ноября 1864
Ницца

«Певучесть есть в морских волнах...»

*Est in arundineis modulatio musica ripis
[43].*

*Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.*

*Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.*

*Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?*

11 мая 1865
Петербург

Другу моему Я. П. Полонскому

*Нет боле искр живых на голос
твой приветный —
Во мне глухая ночь, и нет для ней
утра...
И скоро улетит – во мраке неза-
метный —
Последний, скудный дым с потух-
шего костра.*

30 мая 1865
Петербург

«**Как неожиданно и ярко...**»

*Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.*

*О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!*

Оно дано нам на мгновенье,
Лови его – лови скорей!
Смотри – оно уж побледнело,
Еще минута, две – и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.

5 августа 1865
Рославль

«Ночное небо так угрюмо...»

*Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.*

*Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять все потемнело,
Все стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там – на высоте.*

18 августа 1865
Овстуг

«Нет дня, чтобы душа не ныла...»

*Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом,
Искала слов, не находила,
И сохла, сохла с каждым днем, —*

*Как тот, кто жгучею тоскою
Томился по краю родном
И вдруг узнал бы, что волною
Он схоронен на дне морском.*

23 ноября 1865

«Как ни бесилося злоречье...»

*Как ни бесилося злоречье,
Как ни трудилось над ней,
Но этих глаз чистосердечье —
Оно всех демонов сильней.*

*Все в ней так искренно и мило,
Так все движенья хороши;
Ничто лазури не смутило
Ее безоблачной души.*

*К ней и пылинка не пристала
От глупых сплетней, злых речей;
И даже клевета не смяла
Воздушный шелк ее кудрей.*

21 декабря 1865
Петербург

**«Так! Он спасен! Иначе быть не
может!...»**

*Так! Он спасен! Иначе быть не мо-
жет! [44]*

*И чувство радости по Руси разли-
лось...*

*Но посреди молитв, средь благо-
дарных слез,*

*Мысль неотступная невольно
сердце гложет:*

*Все этим выстрелом, все в нас
оскорблено.*

*И оскорблению как будто нет ис-
хода:*

*Легло, увы, легло позорное пятно
На всю историю российского наро-
да!*

4 апреля 1866

«Когда сочувственно на наше слово...»

*Когда сочувственно на наше слово
Одна душа отозвалась —
Не нужно нам возмездия иного,
Довольно с нас, довольно с
нас.*

12 апреля 1866
Петербург

«Тихо в озере струится...»

*Тихо в озере струится
Отблеск кровель золотых,
Много в озеро глядится
Достославностей былых.
Жизнь играет, солнце греет,
Но под нею и под ним
Здесь бывшее чудно веет
Обаянием своим.*

*Солнце светит золотое,
Блещут озера струи...
Здесь великое бывшее
Словно дышит в забыты;*

*Дремлет сладко, беззаботно,
Не смущая дивных снов
И тревогой мимолетной
Лебединых голосов...*

Июль 1866
Царское Село

Тютчев. Фотография Г. И. Денъера. Петербург, май 1864 г. Воспроизведена в книге: «Стихотворения Ф. Тютчева». М. 1868.

«Когда дряхлеющие силы...»

*Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать,
—*

*Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;*

*От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;*

*От желчи горького сознанья,
Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;*

Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор,
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.

Начало сентября 1866
Петербург

На юбилей Н. М. Карамзина

Великий день Карамзина
Мы, поминая братской тризной,
Что скажем здесь перед отчиз-
ной,
На что б откликнулась она?

Какой хвалой благоговейной,
Каким сочувствием живым
Мы этот славный день почтим —
Народный праздник и семейный?

Какой пошлем тебе привет —
Тебе, наш добрый, чистый гений,
Средь колебаний и сомнений
Многотревожных этих лет?

При этой смеси безобразной
Бессильной правды, дерзкой лжи,
Так ненавистной для души,

Высокой и ко благу страстной, —

Души, какой твоя была,
Как здесь она еще боролась,
Но на призывный Божий голос
Неудержимо к цели шла?

Мы скажем: будь нам путевод-
ной,
Будь вдохновительной звездой —
Свети в наш сумрак роковой,
Дух целомудренно-свободный,

Умевший все совокупить
В ненарушимом, полном строе,
Все человечески-благое,
И русским чувством закрепить,
—

Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным России...

30 ноября – 1 декабря 1866
Петербург

«Умом Россию не понять...»

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.*

28 ноября 1866
Петербург

«Ты долго ль будешь за туманом...»

*Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?*

*Ужель навстречу жадным взо-
рам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?*

*Все гуще мрак, все пуще горе,
Все неминуемей беда —
Взгляни, чей флаг там гибнет в
море,*

Проснись – теперь иль никогда...

20 декабря 1866
Петербург

«Опять стою я над Невой...»

*Опять стою я над Невой,
И снова, как в былые годы,
Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.*

*Нет искр в небесной синеве,
Все стихло в бледном обаянье,
Лишь по задумчивой Неве
Струится лунное сиянье.*

*Во сне ль все это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?*

Июнь 1868
Петербург

Мотив Гейне

*Если смерть есть ночь, если
жизнь есть день
Ах, умаял он, пестрый день, ме-
ня!..
И сгущается надо мною тень,
Ко сну клонится голова моя...*

*Обессиленный, отдаюсь ему...
Но все грезится сквозь немую
тьму —
Где-то там, над ней, ясный день
блестит
И незримый хор о любви гремит...*

1868 – начало 1869

«Две силы есть – две роковые силы...»

*Две силы есть – две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под ру-
кой,
От колыбельных дней и до моги-
лы, —
Одна есть Смерть, другая – Суд
людской.*

*И та и тот равно неотразимы,
И безответственны и тот и та,
Пощады нет, протесты нетерпи-
мы,
Их приговор смыкает всем уста...*

*Но Смерть честней – чужда лице-
приятью,
Не тронута ничем, не смущена,
Смиренную иль ропщущую бра-
тью —
Своей косой равняет всех она.*

*Свет не таков: борьбы, разноголо-
сья —
Ревнивый властелин – не терпит*

он,
Не косит сплошь, но лучшие коло-
сья
Нередко с корнем вырывает вон.

И горе ей – увы, двойное горе, —
Той гордой силе, гордо-молодой,
Вступающей с решимостью во
взоре,
С улыбкой на устах – в неравный
бой.

Когда она, при роковом сознанье
Всех прав своих, с отвагой красо-
ты,
Бестрепетно, в каком-то обаянье
Идет сама навстречу клеветы,

Личиною чела не прикрывает,
И не дает принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль, све-
вает
Угрозы, брань и страстную хулу,
—

Да, горе ей – и чем простосердеч-
ней,
Тем кажется виновнее она...

*Таков уж свет: он там бесчело-
вечней,
Где человечно-искренней вина.*

М*арт 1869*
Петербург

**«Природа – сфинкс. И тем она
верней...»**

*Природа – сфинкс. И тем она вер-
ней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой
от века
Загадки нет и не было у ней.*

А*вгуст 1869*
Овстуг

«Как нас ни угнетай разлука...»

*Как нас ни угнетай разлука,
Но покоряемся мы ей —
Для сердца есть другая мука,
Невыносимей и больней.*

*Пора разлуки миновала,
И от нее в руках у нас
Одно осталось покрывало,
Полупрозрачное для глаз.*

*И знаем мы: под этой дымкой
Все то, по чем душа болит,
Какой-то странной невидимкой
От нас таится – и молчит.*

*Где цель подобных искушений?
Душа невольно смущена,
И в колесе недоумений
Вертится нехотя она.*

*Пора разлуки миновала,
И мы не смеем, в добрый час,
Задеть и сдернуть покрывало,
Столь ненавистное для нас!*

К. Б.

*Я встретил вас – и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...*

*Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, —*

*Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...*

*Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне, —
И вот – слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...*

*Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь,
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..*

26 июня 1870
Карлсбад

«Чему бы жизнь нас ни учила...»

*Чему бы жизнь нас ни учила[45],
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.*

*И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.*

*И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не все, что здесь цвело, увянет,
Не все, что было здесь, пройдет!*

*Но этой веры для немногих
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих.
Как вы, умел, любя, страдать,*

*Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други*

И до конца все претерпел.

Н*е позднее 12 ноября 1870*

**«Брат, столько лет
сопутствовавший мне...»**

*Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел, куда мы все идем,
И я теперь на голой вышине
Стою один, – и пусто все кругом.*

*И долго ли стоять тут одному?
День, год-другой – и пусто будет там,
Где я теперь, смотря в ночную тьму
И – что со мной, не сознавая сам...*

*Бесследно все – и так легко не быть!
При мне иль без меня – что нужды в том?
Все будет то же – и вьюга так же выть,
И тот же мрак, и та же степь*

кругом.

*Дни сочтены, утрат не пере-
честь,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я, как есть,
На роковой стою очереди.*

11 декабря 1870

По дороге из Москвы в Петербург

**«От жизни той, что бушевала
здесь...»**

*От жизни той, что бушевала
здесь,
От крови той, что здесь рекой ли-
лась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых под-
несь...*

*Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.
Красуются, шумят, – и нет им де-
ла,
Чей прах, чью память роют кор-
ни их.*

*Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих – лишь грезю природу.*

*Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг беспо-
лезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной
бездной.*

Август 1871
Петербург

«Нам не дано предугадать...»

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.*

27 февраля 1869
Петербург

Хроника жизни и творчества Ф. И. Тютчева

1803 В этом году 23 ноября у отставного капитана Ивана Николаевича Тютчева и у его жены Екатерины Львовны, урожденной Толстой, проживавших в селе Овстуг на Орловщине, родился второй сын Федор. В Овстуге прошли первые детские годы будущего поэта.

1813 После войны 1812 года семья Тютчевых живет в Москве, выезжая в орловское поместье лишь на летние месяцы.

1819 Федор Тютчев зачислен на первый курс Московского университета, который окончил в 1821-м со степенью кандидата словесных наук.

1822 Стараниями родственников Тютчев причислен к русской дипломатической миссии в Мюнхене. На должность сверхштатного секретаря.

1825 С июня по декабрь Тютчев живет в России, получив отпуск по домашним обстоятельствам. Восстание декабристов застает его в Москве.

1826 По возвращении в Баварию женится на молодой вдове Элеоноре Петерсон, урожденной графине Б отмер.

1830 Лето этого года, с мая по октябрь, Тютчев с семьей проводит в России.

1833 Встреча с Эрнестиной фон Дёрнберг.

1836 В журнале А.С. Пушкина «Современник» опубликован лирический цикл Тютчева под шапкой «Стихотворения, присланные из Германии».

1837 Май – начало августа. Тютчев с семьей в Петербурге в ожидании нового назначения. 3 августа. Подписан высочайший указ о назначении Ф. И. Тютчева первым секретарем русской миссии в Турине.

1838 Смерть первой жены. Элеонора Ботмер-Петерсон-Тютчева умерла в Турине 28 августа.

1839 7 июля. Женитьба на Эрнестине фон Дёрнберг, урожденной Пфеффель.

1841 Тютчев исключен из числа чиновников министерства иностранных дел. По причине «долговременного неприбытия из отпуска».

1844 Сентябрь. Тютчев с женой и младши-

ми детьми переезжает в Россию.

1845 Ф. И. Тютчев высочайше прощен и вновь зачислен по ведомству Министерства иностранных дел.

1848 Тютчев назначен старшим цензором при особой канцелярии Министерства иностранных дел.

1850 В № 1 журнала «Современник» опубликована статья Н. А. Некрасова «Русские второстепенные поэты». В том же году, 15 июля, Тютчев познакомился с Еленой Денисьевой.

1854 В приложении к журналу «Современник» вышел в свет первый сборник Тютчева под скромным названием «Стихотворения Ф. И. Тютчева». В том же году в своем «Современнике» (№ 4) Николай Некрасов опубликовал статью Ивана Тургенева «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева».

1857 Тютчев избран в члены-корреспонденты Российской Академия наук по отделению русского языка и литературы.

1858 С февраля этого года Тютчев – председатель Комитета иностранной цензуры.

1861 В переводе Ное вышел в свет немецкий сборничек избранной лирики Тютчева.

1864 4 августа. Смерть Е. А. Денисьевой.

1866 Январь. Тютчев – в Москве на свадьбе старшей дочери Анны и Ивана Аксакова.

1868 Вышел в свет второй прижизненный сборник стихотворений Ф. И. Тютчева. В том же году Тютчев присутствует на свадьбе сына Ивана с О. Н. Путятой.

1870 Декабрь. Смерть брата Николая.

1873 Январь. Начало предсмертной болезни Тютчева.

Начало мая. С разрешения врачей Эрнестина Федоровна перевозит Тютчева в Царское Село.

15 июля. Смерть Ф. И. Тютчева в Царском Селе.

18 июля. Федор Иванович Тютчев похоронен на Новодевичьем кладбище в Петербурге.

Примечания

1

Текст, набранный курсивом, принадлежит составителю.

[^^^]

Игра в прятки (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

Существует предположение, что стихотворение является откликом на «роковые» события Июльской революции 1830 года во Франции.

[^^^]

4

Зараженный воздух (*итал.*). – *Ред.*

[^^^]

Молчание! (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

6

За исключением Чайковского, никто из великих композиторов – современников Тютчева при жизни поэта не создал вокальных произведений на его слова. Один Чайковский положил на музыку в 1865 г. стихотворение Тютчева «Как над горячею золой...» и его перевод из Гёте «Ты знаешь край, где мирт и лавр растёт...».

[^^^]

Креуза – жена троянского героя Энея. Креузе было предсказано оракулом, что ей не суждено покинуть Трою, поэтому она, последовав за мужем, когда тот оставил Трою, в дороге все время отставала от него и в конце концов исчезла: согласно мифу, ее взяла к себе мать Энея – богиня любви Афродита.

[^^^]

8

Посвящено памяти Гёте, который скончался
22 марта 1832 года.

[^^^]

Проблема (франц.). – Ред.

[^^^]

Стихотворение посвящено Эрнестине фон
Дёрнберг.

[^^^]

Обращено к Эрнестине фон Дёрнберг.

[^^^]

Синель — сирень.

[^^^]

Обращено к Эрнестине фон Дёрнберг.

[^^^]

Обращено к Эрнестине фон Дёрнберг.

[^^^]

По-видимому, посвящено Эрнестине фон
Дёрнберг.

[^^^]

Посвящено баронессе Амалии Крюденер, она же, по второму мужу, графиня Адлерберг.

[^^^]

Вилла (*итал.*). – Ред.

[^^^]

Обращено к Эрнестине фон Дёрнберг.

[^^^]

Обращено к дочери Николая I, великой княгине Марии Николаевне, с которой Ф. Тютчев встречался осенью 1840 г. на модном курорте Тегернзее, неподалеку от Мюнхена.

[^^^]

Французский поэт Ламартин родился в провинции Савойя. Стихотворение написано Тютчевым под впечатлением его автобиографической книги «Признания».

[^^^]

Первое стихотворение, посвященное Елене Александровне Денисьевой.

[^^^]

Написано вскоре после рождения дочери Елены (род. 20 мая 1851 г.; ум. 2 мая 1865 г.).

[^^^]

В последней строфе – обращение к Е. А. Денисьевой.

[^^^]

Обращено к Е. А. Денисьевой.

[^^^]

Обращено к Е. А. Денисьевой.

[^^^]

Е. А. Денисьева умерла 4 августа 1864 г.

[^^^]

Обращено к Эрнестине Федоровне.

[^^^]

Обращено ко второй жене.

[^^^]

Вложено в письмо к жене, которая тем колдовским летом жила с детьми в орловском имении Тютчевых – Овстуге.

[^^^]

Экспромт из французского письма к жене. К концу 1854 года Эрнестина Федоровна уже свободно читала и говорила по-русски, но семейная переписка, как и встарь, велась по-французски.

[^^^]

Обращено к Эрнестине Федоровне. Написано
в день ее рождения.

[^^^]

Стихотворение посвящено жене так же, как написанное одновременно с ним «Она сидела на полу...».

[^^^]

Ты знаешь край?.. *(нем.)*

[^^^]

Непостоянная, как волна (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

«Не царь, а лицедей» – Николай I.

[^^^]

Посвящено дочери от второго брака – Марии, в замужестве Бирилевой (родилась 23 февраля 1840 г. в Мюнхене, умерла от чахотки 2 июня 1872 г.).

[^^^]

Елизавета Николаевна Анненкова – дочь светских знакомых Эрнестины Федоровны, увлеклась стихами Тютчева, случайно увидев в Венеции, будучи в гостях, его тоненький сборник. О впечатлении, какое произвели на юную девушку стихи, госпоже Тютчевой сообщила ее мать. Эрнестина передала слова приятельницы мужу, а тот ответил – стихами.

[^^^]

Написано в связи с крестьянской реформой.

[^^^]

Обращено к старшей дочери от первого брака Анне. Нелегкий жребий – раннее сиротство и вынужденная придворная служба. В течение тринадцати лет, до брака с Иваном Аксаковым (1866), Анна Федоровна была фрейлиной Марии Александровны, супруги Александра Николаевича, до 1856-го – великого князя, затем императора Александра Второго.

[^^^]

Написано в ответ на стихотворение Фета
«Мой обожаемый поэт».

[^^^]

Посвящено Афанасию Фету.

[^^^]

Относится к красавице Надежде Акинфиевой, внучатой племяннице знаменитого дипломата князя А. М. Горчакова, который, несмотря на седины, был сильно увлечен своей дальней родственницей. Эта история, наделавшая много шума в светских кругах, отразилась и в стихотворении «Как ни бесилося злоречье...» (21 декабря 1865).

[^^^]

Есть музыкальная стройность в прибрежных тростниках (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

Отклик на события 4 апреля 1866 года: в этот день было совершено покушение на царя Александра II, но террорист (Д. В. Каракозов) промахнулся.

[^^^]

Посвящено вдове П. А. Плетнева, издателя,
критика, одного из самых верных спутников
Пушкина.

[^^^]